

ШЕННОН
МОРГАН

ее

ЦВЕТОЧКИ

Луноцвет озарится,
и в ужасе узришь ты

СМЕРТЬ СВОЮ...

INSPIRIA

Ток. Мистик-триллер

Шеннон Морган

Её цветочки

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Морган Ш.

Её цветочки / Ш. Морган — «Эксмо», 2023 — (Ток. Мистик-триллер)

ISBN 978-5-04-192949-7

Темная, загадочная, красивая история ужаса и печали. Готический дом с призраками и удивительным садом, полным цветов; родовое кладбище и заброшенная психиатрическая лечебница; трагическая семейная тайна; узы сестринской любви, способной превзойти жизнь и смерть. Роман во многом напоминает книгу и фильм «Милые кости». Он напугает вас и заставит сердце плакать, а в конце подарит надежду. Луноцвет озарится, и в ужасе узришь ты смерть свою... В Хоксхеде, жемчужине английского Озерного края, Фрэнсин Туэйт считают ведьмой. Как и ее покойная мать, она владеет искусством травничества и Языком цветов. Фрэнсин живет в старинной усадьбе, принадлежащей ее семье уже 500 лет. Огромный жуткий дом окружен прекрасным садом. И хотя поблизости нет ни единой живой души, женщина не одинока: у нее есть ее цветы... А еще призраки – они всегда где-то рядом, такие близкие и безобидные. С одним Фрэнсин даже дружит – с девочкой по имени Бри. А вот духам зла здесь не место – и чудодейственные травы и цветы знахарки отгоняют любую напасть. Но однажды зло все же переступает порог ее уединенного дома... Идеальное чтение для любителей современных историй с призраками – здесь есть и готический твист, и обворожительно-пугающая атмосфера, и мощная семейная драма. – Шанора Ульямс Поэтичная проза и разрывающая сердце мистическая история. – Лайза Чайлдс

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

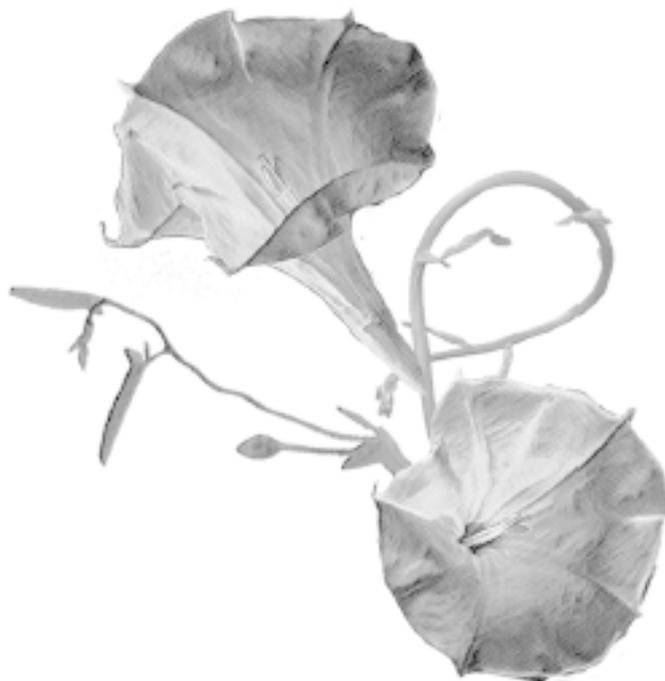
ISBN 978-5-04-192949-7

© Морган Ш., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

25 июля 1969 года	7
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
26 июля 1969 года	43
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Шеннон Морган

Ее цветочки

Посвящаю Энтони, моему сообщнику, соавтору, мужу, лучшему другу

Shannon Morgan
HER LITTLE FLOWERS
Copyright © 2023 by Shannon Morgan

© Татищева Е.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

25 июля 1969 года

Время летело слишком быстро в последнюю ночь, которую они провели вместе.

Сестры были охвачены трепетом предвкушения, спускаясь на цыпочках по лестнице, которая скрипела уже сотни лет. Девочки любили эти украденные у сна ночи, хотя в то же время и страшились их. Не страшилась только самая старшая, которая вообще мало чего боялась, как бывает только с семилетними детьми, обладающими темпераментом под стать их огненным волосам.

– Тсссс! – сказала мама, стоящая у подножия лестницы, и в ее голосе словно промелькнула улыбка.

Сестры прокрались вслед за матерью по дому, босиком, одетые только в ночные рубашки, и застыли, зайдя в кухню, полную теней. Самая младшая захныкала.

– Тише, цветочек мой, – прошептала мама, быстро подняв малышку и крепко обняв ее.

На стенах огромной кухни в лунном свете блестели медные кастрюли, оставшиеся здесь с минувшей эпохи, образуя на плитах пола мозаику из бликов. Крепкие запахи сушеных розмарина и шалфея, казалось, скукоживали время, пока девочки ждали, едва дыша. Они прислушивались к дому.

Тишину разорвал булькающий храп.

– Поспешите! – прошептала мама, выталкивая девочек в ночь.

Сад был окутан полной напряжения дымкой из света и тени, луна бросала блики на каждый листок и омывала лепестки душистой жимолости и остро пахнущей горчицы. Древний дуб во дворе трепетал в своем горделивом великолении и отбрасывал рассеянную тень на землю под вздыхающим ветерком.

Мама скользила по саду в своей белой ночной рубашке, похожая на призрак и такая красивая, что смотреть на нее было больно до слез. Она остановилась около сарая, сплошь увитого лозами луноцвета, толстыми стеблями, узловатыми от возраста, с белыми туго свернутыми цветами, похожими на спиральные свечи.

И подняла руку.

Девочки напряглись от запретного возбуждения, но ни одна из них не ерзала и не шебуршала. Вокруг вновь воцарилась тишина, становящаяся все глубже, пронизанная ожиданием. Но мама ждала не двигаясь и даже не колыхаясь, как это с ней порой бывало. Ночная рубашка стягивала ее тело, худое и сгорбленное, как будто она была намного старше своих двадцати шести лет, что было вызвано слишком большим количеством беременностей за слишком короткое время со слишком раннего возраста.

Но затем под взглядами девочек мама выпрямилась, с каждым глубоким вдохом сбрасывая с себя груз пережитых невзгод и становясь похожей на ту молодую женщину, которой она могла бы быть, если бы жизнь обошлась с ней иначе, менее жестоко.

Девочкам стало не по себе, на их обнаженных руках выступила гусиная кожа, несмотря на то, что эта июльская ночь была такой же жаркой, как и эти долгие ленивые летние дни. Ибо в теплом воздухе раздался тихий шепот, в котором звучало древнее знание растений, причитание давно почивших женщин семейства Түэйт, более древнее, чем усадьба Түэйт-мэнор, и такое же древнее, как окружающий ее лес Лоунхау.

– Луноцвет озарится, и в ужасе узришь ты смерть свою, – шептали девочки вместе с мамой. – Луноцвет озарится, и в ужасе узришь ты смерть свою. Луноцвет озарится...

Под взором луны спиралевидные цветки раскрылись, превратившись в крупные бледные колокольчики. Распускание было быстрым, и цветки запульсировали холодным свечением, испуская приторно-сладкий аромат.

Девочки, следуя примеру матери, вдыхали благоухание луноцвета, меж тем как над его цветками, привлеченные их волшебным смертоносным нектаром, словно болотные огоньки, кружили белые, как саван, мотыльки.

В их поклонении луноцвету было что-то первобытное, что-то ведьмовское, тайное и запретное. В своей детской невинности сестры упивались этой таинственностью, упивались заговором против Него, упивались мурашками, бегающими по их спинам, от страха, что Он может в любой момент пробудиться от пьяного сна и обнаружить, что презираемые дочери и жена поклоняются растению, которое может убить его, если он зайдет слишком далеко и переполнит чашу терпения мамы. Знание о смертельном яде, которое таила в себе эта белая ночь, давало немалую силу.

Время летело слишком быстро в последнюю ночь перед ее смертью.

Глава 1

Густой чай. Чай, от которого могут потемнеть зубы. Хороший, крепкий. Китайский, предпочтительно улун. Такой лучше всего подходит для гадания.

Фрэнсин Туэйт отсчитала тридцать секунд, быстро выпила чай, три раза махнула чашкой налево и направо, опрокинула ее на блюдце, чтобы стекли остатки влаги, затем перевернула опять и взгляделась в чайные листья на ее дне. Когда-то это была белая чашка, но теперь она потемнела от многих и многих гаданий. Фрэнсин терпеть не могла эти чашки с дурацкими символами, которые она видела в магазине подарков в Хоксхеде. Их покупают только туристы и идиоты, что одно и то же.

Она прищурилась, ища знаки. Гадание на чайных листьях было временем вдумчивого созерцания, и главным тут было не то, что такое гадание дарило ей покой, а то, что она занималась им всю свою жизнь.

В открытую дверь кухни ворвался порыв ветра, и фарфоровая лошадка медленно заскользила по наклонившейся полке старого буфета.

Фрэнсин сердито посмотрела на нее.

– Бри, я же говорила тебе сто раз: оставь фарфор в покое! Я не возражаю, когда ты валяешь дурака, забавляясь с мебелью, но не трогай безделушки.

Лошадка остановилась, и в воздухе вокруг нее возникло ощущение недовольства, как бывает, когда маленькая девочка капризно топает ногой.

Фрэнсин прикусила губу, чтобы скрыть улыбку, когда стул, стоящий на противоположной стороне обеденного стола, скрипя, медленно поехал по плитам пола, и в воздухе возникло ощущение замороженного сосредоточения.

– На этот раз чайные листья мало что говорят, – сказала она Бри. – Тут есть что-то вроде букв «С» или «G», а также ножницы, скобочечное сердечко и крест... Что ты на это скажешь? Я не знаю никого, чье имя начиналось бы на «С» или на «G».

Со стола поднялась чайная ложка и постучала по чашке.

– Старый Чарли¹ не в счет, – продолжала Фрэнсин. – Ему не меньше ста лет, и я знаю его всю жизнь. Вряд ли листья говорят о нем.

Ложка постучала по чашке в знак согласия.

– Ну, кто бы это ни был, у меня с этим человеком произойдет ссора, хотя она, скорее всего, не будет серьезной, ведь половинки ножниц сдвинуты не очень близко. Наверное, мы просто наговорим друг другу резких слов, да?

Крест навел Фрэнсин на мысли о кладбищах. Она терпеть их не могла, у нее это было что-то вроде фобии, так что она никогда не заходила на семейное кладбище Туэйтов, находящееся за садом в лесу Лоунхау. Когда в чайных листьях появляется крест, это дурной знак.

– И надо ждать письма. Видишь этот маленький прямоугольник вот тут? – Она наклонила чашку в сторону Бри. – Оно должно прийти уже нынче утром. Тьфу ты! Мне совсем не улыбается тащиться в Хоксхед. – Она посмотрела на стул напротив и изобразила на лице недовольство. – А ведь мне вообще не было бы нужды отправляться туда, если б ты не перепугала всех почтальонов, так что теперь никто из них не отваживается приходить сюда. – Фрэнсин улыбнулась, чтобы не показать своего раздражения от того, что это гадание на чайных листьях поломало все ее планы на сегодняшний день. – Лучше беги к своему дереву. И без глупостей, пока меня не будет, ты меня поняла?

¹ Charlie – (англ.).

Ложка еще раз стукнула по чашке; затем лицо Фрэнсин, словно ласка, быстро обдала волна тепла, и Бри и вылетела через открытую дверь на мерзлый двор, с трех сторон окруженный домом.

Фрэнсин родилась и выросла в Туэйт-мэнор, хотя этот дом был, пожалуй, недостаточно большим, чтобы его можно было называть так². Он представлял собой трехэтажное черно-белое наполовину фахверковое³ здание, построенное в форме буквы «U» и стоящее на холме в окружении леса Лоунхау. Хотя на его сторонах имелись две одинаковые башенки, а в середине возвышалась башня с неработающими часами, вид у него был на удивление асимметричный из-за расположения дымовых труб, в беспорядке громоздящихся там и сям. Когда-то в комнатах дома звенели голоса, но теперь в нем жили только Фрэнсин и Бри.

Фрэнсин встала из-за стола, вымыла и вытерла чашку и, пройдя по дому, вошла в темный вестибюль, чтобы надеть пальто. Из выдвижного ящика стола достала немного семян фенхеля и высыпала их себе в карман, затем надела на свое тонкое запястье самодельный браслет из корня лопуха. Она делала это машинально всякий раз, когда собиралась выйти за пределы сада, ведь семена фенхеля и корень лопуха – это отличные средства, чтобы отгонять зло, когда ты куда-то идешь.

Когда Фрэнсин шла по саду, вокруг нее в морозном воздухе клубился туман. Она на секунду замешкалась и оглянулась через плечо, чувствуя, как Туэйт-мэнор тянет ее обратно, туда, где безопасно и тепло. Окутанный паутиной тумана, старинный дом словно устало осел, как будто от разрушения его спасало только присутствие в его стенах Фрэнсин.

Ее взгляд упал на дорогу. Та была широкой, и ее гравийное полотно содержалось в порядке, но этот путь до Хоксхеда был длиннее. От дороги отходил проселок и исчезал в лесу Лоунхау, представляя собой всего-навсего что-то вроде темной тропинки, пересеченной выступающими корнями. Но этот лес нельзя было назвать тихим спокойным местом, и так было всегда. Эти древние деревья видели на своем веку так много человеческих страданий и жестокости, что весь лес наполнился стелющимися миазмами злобы.

Фрэнсин зашагала по гравийной дороге, поскольку сомневалась, что ожидающее ее письмо в самом деле может стоить того, чтобы пойти по более короткому пути через лес, где ей вполне может встретиться нечто такое, с чем она предпочла бы не встречаться.

Чем ближе Фрэнсин подходила к Хоксхеду, тем медленнее становился ее шаг.

Расположенному в графстве Камбрия на севере Англии Озерному краю была присуща особая, редкостная красота, а Хоксхед был его жемчужиной, туристической Меккой, уютно расположенной в долине Эстуэйт, красивой, как на открытке, со своими белеными домами с серыми аспидными⁴ крышами, теснящимися в узких переулках. Фрэнсин одобряла отсутствие здесь машин; всем им надлежало оставаться на парковке на окраине этой деревни. Нет, она не имела претензий к самой деревне Хоксхед; ей не нравились ее жители, она с давних пор привыкла смотреть на них с опаской, порожденной насмешками, которые она слышала от них с детства.

Стараясь на сутулиться под тяжелыми взглядами прищуренных глаз, смотрящих на нее из всех окон, Фрэнсин шла по узкому, повитому туманом переулку, выходящему на главную улицу.

Она поглядела на свои старомодные часы и вдруг остановилась как вкопанная, прежде чем перейти дорогу, отчего мужчина, шедший сзади, врезался в нее и чертыхнулся.

² В Великобритании словом «тапог» в узком смысле, как правило, называется господский дом, ключевая постройка поместья («тапог» в широком смысле).

³ *Фахверк* – способ постройки, когда основным строительным материалом заполняется деревянный каркас, который не маскируют.

⁴ Аспидная кровля делается из того, что сегодня известно как натуральный шифер, – материала из кристаллической разновидности глинистого сланца, которая называется аспидом.

– Черт побери, Фрэнсин, ты все еще занимаешься этой ерундой? – спросил он без злости, но все-таки посмотрел на улицу с беспокойством.

– Я была бы тебе признательна, если б ты не чертыхался, Гауэйн Фарадей! – огрызнулась Фрэнсин, глядя, как мимо, как нельзя вовремя, проезжает призрачная карета, взбивая туман, как ее колеса крутятся ниже поверхности мостовой, как она сбивает такую же призрачную девочку, которая попыталась перебежать перед ней дорогу.

– Сдается мне, что ты видишь призрак той девчушки Креллин. – Гауэйн, шурясь, смотрел туда, куда был устремлен взгляд Фрэнсин. Хотя камбрийцы были суеверны и давно привыкли к способности Фрэнсин видеть то, чего не видят они сами, в большинстве своем они относились к этому с толикой прагматического скептицизма.

Отлично осознавая, что у нее за спиной над ней смеются, Фрэнсин коротко кивнула и, так же коротко бросив: «Всего хорошего», – начала переходить дорогу.

– Знаешь, все это происходит только в твоей голове! – крикнул ей вслед Гауэйн.

С раздраженно раздувающимися ноздрями она зашагала по главной улице Хоксхеда, затем улыбнулась, подумав, что чайные листья, как и всегда, не солгали – она действительно обменялась резкими словами с человеком, чье имя начиналось с «G»⁵.

Фрэнсин пришлось собраться с духом, чтобы войти в мясной магазин Постлтуэйта и заказать фунт бекона. Она встала в глубине магазина и стала ждать, когда ее бекон взвешают и завернут, краем глаза наблюдая за Гаем Постлтуэйтом. Ее отвращение к нему, ко всем жителям Хоксхеда, было окрашено страхом, оставшимся в ней еще со времен ее детства. Хотя Гай был старше ее всего на два года, он был сутул, толст и неповоротлив, с совершенно лысой головой и большим брюхом, говорящим о страсти к поеданию того, что он продавал в своей лавке.

Теперь Постлтуэйт, разумеется, был уважаемым человеком – местным мясником, как до него его отец; в витрине его магазина на видном месте был вывешен королевский патент на право именоваться поставщиком двора Ее Величества. И действительно, мясо из его магазина поставлялось королеве уже не одно десятилетие, и он был очень этим горд.

Но Фрэнсин слишком хорошо помнила его обзывалки. Учась в начальной школе, она была «дочерью ведьмы», затем в средней школе стала «сестрой шлюхи», – все это оскорблявшее ее презрение обрушивалось на нее из-за ее родных. Не может не отрезвлять сознание, что мало кто знает о ней хоть что-то помимо того, что она живет в разваливающемся елизаветинском доме и держится особняком. И это люди, которые знают ее всю жизнь...

А хуже всего то, что даже теперь Гай Постлтуэйт называет ее...

– Фрэнки! Вот твой заказ, – и он протянул ее бекон, завернутый в вощеную бумагу.

К своему стыду, Фрэнсин поспешила вперед, выхватила сверток из его протянутой руки и, горбясь, торопливо вышла из магазина, как будто ей до сих пор было двенадцать, а ему четырнадцать лет.

После визита в магазин Постлтуэйта ей всегда приходилось делать мысленное усилие, напоминая себе, что она уже не ребенок, а взрослая женщина. Фрэнсин скользнула в безлюдный переулок и невидящим взглядом уставилась на фронтон дома, стараясь выровнять свое судорожное дыхание и привести в порядок свои мысли. Но незажившие раны, нанесенные ей в детстве, были глубоки, и произносимые шепотом колкости в ее адрес по-прежнему уязвляли ее.

Прошло не менее получаса, и только тогда Фрэнсин почувствовала, что готова идти на почту. Она нетерпеливо стояла в очереди, отчаянно желая пойти домой. Дома безопасно. Дома она защищена и от старых, и от новых обид.

⁵ Gawain – (англ.).

Фрэнсин постаралась сделать так, чтобы между ней и теми, кто стоял перед ней и за ней, оставались широкие промежутки. Ей было бы невыносимо, если б кто-то из чужих коснулся ее, пусть даже случайно.

– Вот я и говорю ей, что наша Молли ни за что бы не сделала такое. И знаешь, что мне сказала эта самая Хилари? Я была так поражена...

– А что она сказала?

Фрэнсин сердито уставилась на Марджори Уиткоум, которая в своем желании услышать, что же сказала Хилари, так перегнулась через стойку, что, кажется, была готова вот-вот опрокинуться на пол.

Женщина, которую она обслуживала, шепнула что-то ей на ухо, и Марджори вытаращила глаза, после чего выпрямилась и объявила:

– Не может быть!

– А вот и может. Ты же знаешь, на что она способна. Не девка, а огонь. Неудивительно, что...

Фрэнсин громко кашлянула, не в силах и дальше терпеть ожидание.

Обе женщины повернулись и посмотрели на очередь, затем Марджори недовольно сжала губы.

– Это Фрэнсин Туэйт, – сказала она так громко, чтобы ее могли услышать все, кто находился в здании почты. – Лучше мне разобраться с ней быстро, чтобы она опять не увидела здесь привидение и не распугала всех моих клиентов.

– Попридержи свой змеиный язык, Марджори Уиткоум, – раздался надтреснутый голос, говорящий откуда-то сзади.

– О, здравствуйте, мисс Си, – поздоровалась Марджори, виновато улыбаясь, как нашкодившая школьница.

Мисс Кэвендиш⁶ фыркнула.

– Ты всегда была ужасной сплетницей. Я помню, как на игровой площадке ты вечно вот так же шепталась с юной Китти, прикрывая рот рукой. – Она неодобрительно нахмурилась, глядя на незадачливую Китти, которая потупилась и смущенно уставилась на свои ноги. – Так что давай, Китти, иди по своим делам, чтобы мы могли разобраться с нашими.

– Да, мисс Кэвендиш, – пролепетала Китти и, все так же опустив глаза, поспешила к выходу.

Фрэнсин не смогла сдержать довольную ухмылку, потому что в школе она училась с Китти и Марджори. В то время объектом их сплетен становилась она сама, и сейчас ей было приятно вкушать блюдо мести, которое, как известно, время от времени может подаваться холодным и притом мелкими порциями.

– А ты, Фрэнсин Туэйт, можешь стереть с лица эту ухмылку, – сказала мисс Кэвендиш.

Фрэнсин повернулась к хрупкой старой даме и улыбнулась ей с искренней теплотой.

– Доброе утро, мисс Си, я не заметила вас сзади. Я рада видеть, что вы здоровы и на ногах.

– Человеку негоже бездельничать, хотя мои ноги уже не те, что прежде.

– Я загляну к вам через пару дней и принесу что-нибудь от боли в них.

– Да, Фрэн, принеси, ведь по ночам они у меня ужас как болят. А если честно, то и днем. – Мисс Кэвендиш замолчала, затем добавила: – Я хотела сама зайти к тебе, чтобы навестить твою мать. Мне ее не хватает.

– Мне тоже, – ответила Фрэнсин.

Мисс Кэвендиш была директрисой местной школы вот уже несколько десятилетий, и в округе не было ни одного мужчины, женщины или ребенка, который не питал бы огромной привязанности к этой старой даме и не побаивался ее острого языка. Она также была самой

⁶ Cavendish, то есть начинается с «С», заглавной «си». – (англ.).

старой и самой близкой подругой матери Фрэнсин и единственным человеком, который до сих пор навещал могилу Элинор Туэйт.

– Она как кобея лазающая, – пробормотала мисс Кэвендиш так тихо, чтобы услышать ее могла только Фрэнсин.

Та прикусила губу, чтобы спрятать улыбку, нежную и печальную. Мать часто говорила на тайном языке цветов, который понимали только она и мисс Кэвендиш. Элинор пошла еще дальше – она считала, что каждому человеку соответствует свой цветок, что это что-то вроде тотема, который характеризует его натуру. Фрэнсин тоже давно полагала, что Марджори Уиткоум соответствует именно кобея, ведь у нее имелась информационная сеть, быстродействующая, широкоохватная и бесстыжая, сеть, очень похожая на неумолимо ползущие стебли кобеи с их складчатыми фиолетовыми колокольчиками.

Теперь, когда на Марджори был устремлен сердитый взгляд мисс Кэвендиш, очередь двигалась быстро.

– Для меня есть сообщение? – спросила Фрэнсин, дойдя до стойки.

– Откуда ты знаешь, что тебе могло прийти сообщение? – резко спросила Марджори.

Фрэнсин пожала плечами. Она не собиралась объяснять, что ей сказали чайные листья.

– Это ненормально. Ты заявляешься сюда еще до того, как я могу сообщить тебе, что для тебя что-то пришло. – У Марджори была полная фигура с огромным бюстом, который, казалось, жил своей собственной тайной жизнью. Пока она поворачивалась к ящичкам для корреспонденции за ее спиной, Фрэнсин, у которой вообще не было бюста, как завороченная смотрела, как эти две могучие горы величаво повертываются вправо еще до того, как это делает сама Марджори.

– Если б ты согласилась провести в свой дом телефон, – вступила в разговор молоденькая помощница Марджори, сидящая за другой стойкой, – тебе вообще не надо было бы приходить в нашу деревню.

– Замолчи, Эмма, – сказала Марджори с виноватым выражением, выглядящим странно на ее лице, на котором обычно отображалось одно только острое любопытство.

– Без обид, – пробормотала Эмма. – Просто она не хочет видеть нас, а мы не хотим видеть ее.

– Так у тебя есть для меня сообщение? – Фрэнсин сумела сохранить вежливый тон, не обращая внимания на Эмму.

Марджори прищурилась, взглядываясь в клочок бумаги.

– Это предложение об аренде жилья сроком на пять месяцев. Приезжают плотник и его подмастерье, чтобы вести работы в этом новом отеле, который строится тут неподалеку. Они придут сегодня. Предложение сделано от имени некоего Тодда Констейбла. Он с юга... Кажется, сказал, что он из Лондона, – добавила она со странным удовлетворением, как будто Лондон был какой-то далекой и экзотической страной.

– Сегодня? Но я ведь даже не разговаривала с ними и не сделала никаких приготовлений.

– Им больше негде было остановиться, ведь сейчас низкий сезон, вот я и сказала им, что у тебя найдется для них местечко. – Марджори пожала плечами, ничуть не смутившись от сердитого взгляда Фрэнсин. – Тебе не помешают постояльцы, ведь на содержание этого твоего старого дома, должно быть, уходит целое состояние.

Фрэнсин прикусила язык, проглотив резкий ответ, потому что, как бы неприятно ни было ей это признавать, ей был необходим этот доход. Арендная плата за целых пять месяцев в это время года – не пустяк, это ей точно не помешает.

– Знаешь, а ведь Эмма права, – продолжила Марджори. – Если ты установишь в своем доме телефон или купишь мобильник, мне больше не придется принимать за тебя предложения о найме жилья. И речь тут не только об этом, а о твоей безопасности. Как люди узнают, если ты получишь травму, ведь ты живешь в этом лесу совсем одна?.. Да, кстати, сегодня утром

звонила твоя сестра. Она просила, чтобы ты перезвонила ей, как только сможешь. Было бы хорошо, если б Мэдди приехала к тебе в гости, составила тебе компанию. Она всегда была хорошим человеком.

Фрэнсин чуть слышно фыркнула и взяла листок, который протянула ей Марджори. Сама она не назвала бы сестру хорошим человеком. Для характеристики Мэдлинь куда лучше подошли бы такие слова, как «легкомысленная», «эгоистичная» и «безответственная». Фрэнсин не видела сестру с тех пор, когда та внезапно приехала к ней пять лет назад. Интересно. Мэдлинь позвонила потому, что ее последний брак распался, или потому, что она собирается выйти замуж еще раз? Нелегко следить за перипетиями матримониальных дел сестры, которые неизменно оканчиваются катастрофой...

Она кивнула на прощание мисс Кэвендиш и торопливо вышла из здания почты.

Глава 2

Фрэнсин зашла в одинокую красную телефонную будку на главной улице. Она терпеть не могла мобильные телефоны и не понимала, почему люди так привязаны к ним. Эти штуки только и делают, что звонят в любое время дня, не давая тебе ни минуты покоя из-за всей этой непрерывной болтовни. Ее собственная система с получением сообщений на почте и звонками из телефонной будки подходила ей как нельзя лучше.

Закрыв за собой дверь будки, Фрэнсин набрала номер, написанный на листке бумаги. Она не удивилась тому, что это был не тот номер, который сестра дала ей, когда звонила в последний раз, ведь та нигде не задерживалась подолгу.

Прозвучали три гудка, и сестра взяла трубку.

– Привет, Мэдлин, – сказала Фрэнсин, слыша в своем голосе невольный упрек.

– Фрэнни! Я так рада, что ты позвонила!

Она открыла было рот, чтобы попенять сестре за то, что та назвала ее этим уменьшительным именем, которое она терпеть не могла, но не стала ничего говорить, услышав нотки отчаяния на том конце.

– Ты не больна? – осторожно спросила она.

Послышались рыдания, тихие, но надрывные.

– О, Фрэн, Джонатан умер минувшей ночью. Это ужасно...

– Который это по счету из твоих мужей? – с некоторой опаской вставила Фрэнсин, хотя и сознавала, что сейчас это не самый лучший вопрос. Во время одного из своих нечастых визитов домой Мэдлин, дуясь, укатила почти немедля, когда Фрэнсин перепутала ее мужа номер три с тогдашним спутником ее жизни... Пятым, что ли, по счету. Так что лучше с самого начала выяснить, о каком из ее мужей идет речь.

Мэдлин раздраженно вздохнула.

– Это был номер седьмой. Специалист по генеалогии.

– О... А что произошло с оккультистом? Когда ты вышла замуж за Джонатана?

– Я развелась с Себастьяном давным-давно. Ты что, совсем не слушаешь, что я говорю? – вскричала Мэдлин и опять зарыдала. – Джонатан умер! Он долго болел, но держался, и мы уже подумали, что, возможно, выкарабкается, но вчера вечером у него просто остановилось сердце. Он был любовью всей моей жизни, а теперь его нет. Без него я чувствую себя такой потерянной. Он был... Фрэнсин, ты еще там? – Поскольку Фрэнсин никак не реагировала на ее мелодраматические излияния, Мэдлин немного поумерила их.

– Да, конечно, я все еще тут и слышала все, что ты сказала. Прими мои... э-э-э... соболезнования. Наверняка все это было очень тяжело, – добавила она, но это получилось у нее неубедительно. Она не могла удержаться от мысли о том, что у Мэдлин это была не первая любовь всей ее жизни – таковых у нее перебивало много. Хотя надо признать, что смерть – это все-таки какое-никакое разнообразие после нескончаемой череды разводов.

– Но почему ты позвонила мне?

– Потому что... – Мэдлин на секунду сбилась. – Потому что ты моя сестра, и ты мне нужна. И...

Фрэнсин представила себе, как сестра в нерешительности прикусывает губу. И, воспользовавшись ее молчанием, спросила:

– У тебя еще что-то не так?

Прошло довольно много времени, прежде чем Мэдлин ответила:

– Не то чтобы не так. Во всяком случае, пока.

– Что ты скрываешь от меня?

– Ничего.

Она прислушивалась к ровному дыханию сестры, затем, когда молчание стало неловким, прислонилась лбом к стеклу телефонной будки и уставилась на главную улицу.

– Ты хочешь приехать домой?

– Да. – В голосе Мэдлин явно прозвучало огромное облегчение. – Спасибо, Фрэнни. Я знала, что ты поймешь. Ты всегда знаешь, что нужно сказать.

Фрэнсин изумленно покачала головой.

– Когда ты приедешь?

– Завтра. Нет, скорее всего, послезавтра. Сначала мне надо здесь кое-что уладить... О, это было так ужасно! И прошло столько месяцев с тех пор, как я видела тебя...

– Не месяцев, а лет, – скромно вставила Фрэнсин.

– В самом деле? Так долго?

– Увидимся через пару дней, Мэдлин. – Она повесила трубку, прежде чем сестра успела продолжить, и вышла из телефонной будки со смятением мыслей.

Она более или менее любила Мэдлин, поскольку та была ее сестрой, но у них не было ничего общего. Фрэнсин была втайне несогласна, когда мать объявила, что цветок Мэдлин – это садовый лютик⁷. Хотя сестра обладала такими качествами, как обаяние, привлекательность и лучезарность, ей, по мнению Фрэнсин, куда лучше подходила легкомысленная камнеломка или, если уж совсем прямо и грубо, красная герань, символизирующая глупость. Даже в том, что касалось соответствующих им цветов, сестры были противоположностью друг друга, ибо цветком Фрэнсин являлась лантана – она была педантична, постоянна, несговорчива; чтобы оценить ее, требовалось время, и, надо признать, в прошлом желающих тратить это время было немного.

Но хотя они были непохожи, как небо и земля, на свете у них не было никого, кроме друг друга. Отец умер, когда они обе были совсем маленькими, и сестры не помнили его. Мать объединяла их маленькую семью, пока не умерла, когда Фрэнсин было двадцать лет, а Мэдлин шестнадцать. Через три месяца после ее смерти Мэдлин сбежала в Лондон. Тогда Фрэнсин была безутешна, но со временем она поняла, что это к лучшему. Останься сестра в Камбрии, она свела бы ее с ума, и хорошо, что они виделись нечасто, потому что скандалы сопровождали Мэдлин повсюду, как дурной запах.

Поскольку у нее больше не было времени трусливо идти кружным путем, Фрэнсин торопливо семенила по узким переулкам Хоксхеда напрямик. Туман теперь стал еще гуще, чем прежде; он клубился вокруг нее, смешиваясь с маслянистым дымом, выходящим из жмущихся друг к другу труб.

Деревня скрылась из виду; теперь Фрэнсин видела перед собой церковь Святого Михаила и Всех Ангелов, приходской храм Хоксхеда, стоящий на одиноком холме. За ним виднелся лес Лоунхау, играющий в прятки в тумане. Но Фрэнсин сумела бы отыскать тропинку, ведущую в лес, даже с повязкой на глазах, хотя и было видно, что ходят по ней редко. Когда-то она была частью покойницкой дороги, и с ней были связаны такие зловещие предания, правдивость которых лишь очень немногие в деревне соглашались признать. И вообще, местные пользовались ею нечасто.

Войдя в лес, Фрэнсин замедлила шаг, глядя то вправо, то влево, где между вековыми деревьями тянулись полоски тумана, похожие на мертвые пальцы. В лесу не было тихо: в нем слышалась капель – это с голых ветвей капал конденсат, – к тому же от мороза трещали стволы деревьев, и Фрэнсин то и дело оглядывалась на эти звуки, всматриваясь в туман.

Из недвижимой мглы вокруг Фрэнсин выделялись фигуры, и чем дальше она шла, тем их становилось больше. Выступающие корни и заросли мертвого папоротника-орляка по краям

⁷ Культурные формы этого растения очень разнообразны и сильно отличаются от диких форм, обладая выраженными декоративными качествами.

тропы сливались с сотнями призраков, безмолвных и неусыпных. В этом не было ничего необычного, ведь покойницкая дорога недаром носила такое название – в прежние времена по ней к церкви Святого Михаила носили гробы. Фрэнсин никогда не приходило в голову сомневаться в том, что она видит. Нет, призраки не беспокоили ее, но существовали места, в которых – она это чувствовала – обитало зло, и эти места вселяли в нее иррациональный страх.

На ее волосах и ресницах повисали капли, и она быстро моргала, пытаясь стряхнуть их, отчего ее зрение туманилось. В том месте, где тропинка делала резкий поворот, ее охватил противный страх, по спине забегали мурашки, и она так крепко стиснула в кулаке семена фенхеля, что они врезались в ее ладонь. Ускорила шаг. Где-то в глубине леса, почти скрытый легким частым стуком падающих капель конденсирующегося тумана, послышался скрежет, от которого у Фрэнсин похолодела кровь.

Она всегда слышала его именно здесь, возле этого поворота тропы. Здесь ветви деревьев были густо переплетены, образовывали что-то вроде туннеля, и терлись друг о друга, со скрежетом рассказывая свои кровавые тайны и выпевая мрачную песнь, которую не следует слышать живым.

Часто дыша, Фрэнсин заставила себя не броситься бежать по этому угрюмому лесу. За последние двести лет в округе не было ни одного ребенка, на которого не нагонял бы страх рассказ о кровожадном кузнеце, жившем здесь в восемнадцатом веке и убивавшем своих жертв молотком-гвоздодером, – и Фрэнсин не была исключением. Ее взгляд скользил по отметинам на окружающих деревьях, которые, как утверждала легенда, являлись свидетельствами того, что он совершал свои убийства именно здесь. В этой сумрачной части леса, пропитанной злом, не было ни малейшего ветерка, и туман обтекал ее лицо, словно холодная кровь. Фрэнсин торопливо шла дальше, глядя на переплетенные ветви над головой. Внезапно они перестали скрипеть, и в лесу воцарилась тишина, которую нарушала одна только капля.

Вздвигнув от облегчения, Фрэнсин вышла из леса Лоунхау, и ее сердце радостно забило при виде Туэйт-мэнор, словно застывшего в туманном мерцании давно забытых времен. Напряжение, вызванное ее походом в Хоксхед, спало, она испустила трепетный вздох, и ее взгляд заскользил по косым поперечным балкам, по глухим окнам. В этом доме не было горделивости: в его слегка деформированных стенах чувствовалось смирение, его покоробленная крыша дышала кротостью, в беспорядочном нагромождении дымовых труб ощущалась шаловливость. И хотя под грузом своих лет он выглядел как усталая старушка, для Фрэнсин этот дом был всем.

Не зная, когда приедут ее постояльцы, она торопливо обошла Туэйт-мэнор и вошла во двор, отведя глаза, чтобы не видеть кладбища.

Стены двора были увиты плющом, увядшим и безлистным, как будто он ждал весны. В середине двора стоял огромный дуб, такой корявый, что Фрэнсин думала, что его, видимо, посадили еще тогда, когда был построен дом. Под ним находился крытый колодец с аспидной крышей и деревянной бадьей. Этим колодцем никто не пользовался, он был отголоском былого, и при взгляде на него, как и при взгляде на кладбище, по спине Фрэнсин бегали мурашки.

Она остановилась под дубом и взглянула на его голые ветви.

– Бри, – позвала она. – Спускайся. Нам с тобой надо поработать.

Глава 3

Старинные напольные часы в главной гостиной тикали, отсчитывая часы ожидания. Тиканье разносилось по всему первому этажу... *тик-так... тик-так... тик-так...* Успокаивающий звук, который Фрэнсин почти не замечала, кроме тех случаев, когда ей приходилось ждать, как она ждала сейчас. Уже десять часов вечера, а постояльцы так и не появились. Так что вся ее бурная деятельность по приведению дома в порядок пошла насмарку.

– Не знаю, когда они придут сюда, – сказала Фрэнсин, не поднимая глаз от старинного тома, потрескивающего от своего немалого возраста и пахнущего как нутряное сало, начавшее прогоркать. – Итак, давай почитаем про Томаса Туэйта...

«Благодатное паломничество» в 1536/37 годах и мятеж Бигода⁸ в 1537 году в конечном счете оказались для Томаса Туэйта благом. Хотя он и был ревностным католиком...»

– Перестань, Бри, – мягко сказала Фрэнсин, когда на нее посыпался сухой розмарин. – Не может же все в нем быть интересным. Меня немного беспокоит, что ты предпочитаешь только те куски этого повествования, в которых много крови. Хотя описаний насилия в нем немного. Этот труд, вышедший из-под пера нашего почтенного предка-литератора Джеремайи Туэйта, невыносимо скучен.

Она бегло просмотрела страницы, в которых описывались события, произошедшие в несколько следующих десятилетий.

– *«В 1542 году Томас взял в жены Элизу Эшберейнер, дочь его конкурента в Хоксхеде, и таким образом объединил два процветающих предприятия в одно, ставшее одним из самых крупных в Камбриши. С рождением их первого сына, Ричарда, появившегося на свет в первый год их брака, было положено начало династии Туэйтов».*

Фрэнсин листала страницы.

– Я не испытываю никакого желания читать всю эту писанину, посвященную шерстяной промышленности. Ведь в ней – силы небесные! – целых двадцать семь страниц.

Она начала листать медленнее, затем прочла:

– *«По мере того как предприятие Томаса расширялось, росла и его семья. К 1558 году, когда от инфлюэнцы умерла королева Мария, Элиза родила ему четырех сыновей. К несчастью, позднее, родив девятерых мертворожденных дочерей, Элиза умерла в родах...»* Что ж, мы хотя бы точно знаем, что ты, Бри, не была дочерью Томаса Туэйта. У него имелись только сыновья. Как ужасно это, должно быть, было для Элизы...

Она продолжила листать страницы, бегло просматривая их.

– И он умер через два года после нее, не женившись вторично. Но я уверена, что ты тоже Туэйт. Это очевидно, раз ты привязана к этому дому... Ну хорошо, не к дому, а к дубу в его дворе, – согласилась она, когда Бри, которая передвинулась к окну, в знак протеста смяла занавески.

Хотя Фрэнсин редко видела или слышала Бри, этот маленький призрак определенно умел производить впечатление. Воображаемый друг, которого она придумала себе в детстве и от которого так и не избавилась, сказали бы недоброжелатели. Но Фрэнсин была совершенно уверена, что Бри – это призрак, привязанный к дому не без причины, хотя в чем заключается эта причина, она еще не установила. У нее даже не было уверенности в том, что ее действительно зовут Бри, но Фрэнсин называла ее так всегда и, будучи близко знакома с этим призраком всю свою жизнь, хорошо понимала все нюансы настроений Бри и почти что видела воочию, как та пожимает плечами, хмурится или со злости высовывает язык.

⁸ Названы два из ряда неудачных католических восстаний против Генриха VIII, выведшего английскую церковь из-под власти римских пап.

Бри была ее единственной подругой.

По кухне пронесся сквозняк, свидетельствующий о предвкушении. Фрэнсин покачала головой – она не понимала, почему Бри так возбуждена. Она закрыла старинный том истории семейства Туэйт за несколько веков, который нашла в семейной библиотеке и который читала только тогда, когда на нее нападало такое настроение, потому что Бри была права – эта история была трудна для чтения.

Она встала и, подойдя к окну, раздвинула занавески. Сад сверкал под бледной луной. Изморозь усеивала чуть наклонную лужайку, спускающуюся к лабиринту из кустов рододендронов, который отделял сад от окружающего его леса Лоунхау. Перед рододендронами располагались цветочные клумбы, которые летом пестрели разноцветьем красок, но сейчас, когда ощущались еще только первые пощипывания весны, пребывали бурными и безжизненными.

– Сегодня утром я видела первый подснежник, – сказала Фрэнсин, обращаясь к теплому воздуху рядом с ней. – Но крокусы еще не проклюнулись.

Воздух ответил безразличным пожатием плеч.

– Интересно, когда же приедут эти постояльцы, – продолжила она, глядя на подъездную дорогу. – Марджори говорила, что они прибудут сегодня, но ведь сейчас уже пробило десять часов.

Летом она сдавала внаем комнаты в силу необходимости. Ее дом был слишком велик для одного человека, и содержать его было дорого. Во многих отношениях она обеспечивала себя сама. Ее огород весь год снабжал ее достаточным количеством овощей, у нее имелись также хорошие куры-несушки, стадо коз, несколько ульев, стоящих на опушке леса, и корова. Но в этом современном мире ей требовались и другие вещи, такие как канализация, водопровод и электричество. Вырастить их она не могла и потому сдавала комнаты внаем, как до нее делала мать. У нее никогда не было недостатка в желающих пожить в ее доме, поскольку туристы валом валили в Озерный край, чтобы полюбоваться его красотами, которые сама Фрэнсин принимала как данность.

Туман рассеялся, и поверхность озера Эстуэйт блестела под лунным светом, льющимся сквозь безлистные кроны деревьев леса Лоунхау. Это была идиллическая картина, достойная отображения в стихотворении Вордсворта, хотя сама Фрэнсин не любила стихи этого знаменитого поэта, жившего в Озерном краю, поскольку всегда считала, что он мог бы выбрать для воспевания какой-нибудь более достойный предмет, чем нарциссы, если б только удосужился узнать, насколько они ядовиты.

Оконное стекло задребезжало, и за поворотом подъездной дороги показался свет мощных фар.

– Ну вот, видишь? Они приехали, так что зря ты беспокоилась, Бри. – Фрэнсин торопливо прошла в вестибюль, слыша пронзительный смех Бри, открыла входную дверь и увидела подъехавший к парадному крыльцу белый автофургон.

– И смотри, не озорничай, пока они здесь, – строго сказала Фрэнсин. – Своими дурацкими выходками ты и так отпугнула достаточно постояльцев, а нам очень нужны деньги, чтобы отремонтировать фронтон⁹. Так что веди себя прилично, иначе я выгоню тебя на твой дуб. – Она часто повторяла эту угрозу, но никогда бы не выполнила ее, потому что слишком любила Бри, чтобы причинить ей вред.

Смех тут же затих.

Набрав в грудь воздуха, чтобы собраться с духом, Фрэнсин велела:

– А теперь сгинь. – Она подождала, пока не ощутила чувство пустоты, которое испытывала всегда, когда Бри не было рядом, затем вышла на крыльцо. Справа и слева от него росли рябины, и их ветки уже были усыпаны крупными пушистыми почками.

⁹ Фронтон – верх фасада, к которому примыкает крыша.

Она стояла совершенно неподвижно, охваченная тревогой, и гадала, что же ей сказать, одновременно желая, чтобы ей не надо было ничего говорить.

– Сколько же времени нужно, чтобы выйти из машины? – проворчала она и рассеянно сняла с двери гирлянду, сплетенную из веток самшита, ежевики, рябины и плетей плюща. Листья были уже так сухи, что крошились, когда она касалась их, – а раз они утратили свежесть, то гирлянда уже ни от чего не защитит.

Двери автофургона хлопнули, разорвав тишину морозного вечера. Фрэнсин плотнее запахнула шаль на своей худой груди.

К ней легкой пружинистой походкой шел высокий чернокожий мужчина, за ним следовал крупный нескладный парень с копной ярко-рыжих волос.

– Вы Фрэнсин Туэйт? – голос у мужчины был низкий, и говорил он с мелодичным акцентом уроженца Карибских островов.

– Да, это я.

Он улыбнулся. Это была мягкая улыбка, и она не только тронула его губы, но и дошла до его карих глаз. К удивлению Фрэнсин, ее костлявые плечи слегка расслабились. Он был ненамного старше ее, возможно, ему было под шестьдесят, однако седины в его коротких черных волосах было немного, не то что у нее самой – ее собственные волосы, которые она стягивала в узел на затылке, были совершенно белы.

– Простите, что мы прибыли так поздно. Я Тодд Констейбл, а это Киф О’Дрисколл.

Рыжеволосый парень застенчиво улыбнулся.

Они стояли и смотрели друг на друга.

– Мы можем войти? – спросил Констейбл, когда молчание стало неловким.

– О да, конечно. – Фрэнсин посторонилась, пропуская мужчин в дом.

– Красивый у вас дом, – заметил Констейбл, оглядывая вестибюль. – Когда он был построен?

Фрэнсин привыкла к тому, что постояльцы хвалят ее дом. Пол в вестибюле был деревянный, стены обшиты панелями, а высокий потолок поддерживали косые черные балки, делаая его похожим на скособоченную шашечную доску. Вдалеке справа и слева вверх уходили лестницы, ведя в крылья дома. У одной из стен стоял длинный, потемневший от немалого возраста стол, на нем находились два горшка с чесноком. На стенах висели картины на религиозные сюжеты, темные, потрескавшиеся от времени; скорее всего, они могли бы стоить немалых денег, если их отреставрировать, но Фрэнсин не хотела с этим возиться, ее и так все устраивало. Пусть все остается таким, каким было всегда.

– В тысяча пятьсот сорок первом году. Я имею в виду самую старую его часть, – ответила она, закрыв дверь. Хорошо, что у них мало багажа – каждый из ее новых постояльцев нес только небольшой чемодан.

– Просто чума, – сказал Киф, и Фрэнсин решила, что это похвала, хотя полной уверенности в этом у нее не было, поскольку с таким молодняком она общалась нечасто.

– А когда было построено остальное? – спросил Констейбл, разглядывая мешочки с травами, повешенные над дверями, выходящими в вестибюль, рядом с пучками иссопа и тысячелистника. Он медленно поворачивался, оглядывая все, и остановил взгляд на двух кадках с кустами карликового можжевельника, стоящих справа и слева от парадной двери. Можжевельник был усыпан голубыми ягодами, и его перистые ветки свисали так низко, что мели пол. Губы Констейбла дрогнули в чуть заметной улыбке, когда его внимательный взгляд переместился на Фрэнсин.

Она пожала плечами.

– В течение последующих веков. Сюда, – добавила она, чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, и повела их по расположенной справа лестнице в восточное крыло, включая по

дороге свет. Открыв первые две двери, отступила в сторону, чтобы мужчины могли войти в свои комнаты.

Фрэнсин в нерешительности остановилась на пороге комнаты Констейбла, застенчиво и неловко, как подросток, которым она никогда не была.

– Так... Завтрак подается ровно в семь утра, и будьте добры, когда вы закончите его, поставьте грязную посуду в мойку. Он будет состоять из яичницы с беконом. Яичница готовится из органических яиц, – произнося слово «органических», она сжала губы, будто пососав лимон, – ей были чужды эти новомодные понятия, ведь она всегда выращивала все именно естественным путем.

Бочком зайдя в комнату, Фрэнсин обвела взглядом огромную дубовую кровать с балдахинном, плотные шторы и старинный гардероб, дверца которого никогда не закрывалась как следует. На столе стояли старинные кувшин и таз – и то и другое семейные реликвии. Она убедилась, что мешочки с шандрой, репешком и буквицей по-прежнему находятся там, куда она их поместила, в четырех углах комнаты, защищая ее гостей, хотя самим им будет невдомек, что им вообще требуется защита. Лучше лишний раз проверить, действительно ли они на месте, ведь проказница Бри любит перемещать предметы то туда, то сюда.

– Если вам ничего не нужно... – сказала она, пока Констейбл оглядывал комнату.

Он улыбнулся ей.

– Спасибо, что вы устроили нас у себя в такие короткие сроки, дорогая.

Фрэнсин кивнула, хотя ей совсем не понравилось, что незнакомый мужчина называет ее «дорогой».

Она тихо фыркнула.

– Тогда я оставлю вас, чтобы вы могли заняться вашими делами. – И с этими словами удалилась.

На лестничной площадке Фрэнсин в нерешительности остановилась. Может, ей следовало бы предложить им подкрепиться? Ведь сейчас уже поздно, и в Хоксхеде все закрыто. Но она пожала плечами – не стоит выказывать им доброту, ведь она не намерена проявлять ее и впредь. И торопливо спустилась на первый этаж.

Затем, в вестибюле, остановилась еще раз и склонила голову набок. С появлением в нем постояльцев дом изменился: теперь в воздухе витало напряжение, как будто он отвлекся от своей усталости, чтобы сосредоточиться на гостях.

Слегка вздрогнув, Фрэнсин тихо позвала:

– Бри.

Ее обдул пыльный воздух, легкость пронизала ее лицо, волосы, шею.

– Пора, – прошептала она и, взяв с длинного стола в вестибюле довольно большой мешочек, вышла за дверь.

Только в такие ясные ночи, как эта, туго натянутые под горбатой луной в ущерб, когда в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения, Фрэнсин видела Бри – маленькую девочку семи или восьми лет с длинными рыжими волосами, заплетенными в две косы, хлопающими по спине. Она была одета в длинное платье, заправленное в трусики, как будто ей докучала его длина. Бри обернулась, и, хотя ее лицо представляло собой лишь бледное отражение того, как оно выглядело при жизни, оно было лукавым, энергичным и полным смеха.

В такие ночи рядом с Фрэнсин находился еще один призрак, ибо именно в саду она ощущала особую близость к матери. Воспоминания наполняли каждый цветок, который они посадили вместе, каждую клумбу, которую они заложили. Здесь, где луна отбрасывала ажурные тени на каждый лист и лепесток, язык цветов приобретал более тайное и более древнее значение, отражающее некое изначальное знание, которое помнили лишь немногие и которое пришло из тех времен, когда страх был чистым, беспримесным и люди верили в волшебство.

Фрэнсин опустила руку в мешочек и пошла вдоль границы сада, разбрасывая истолченные в порошок корень дягиля, окопник и листья ромашки, пока Бри стояла сзади и смотрела на нее.

Фрэнсин любила свой сад. Здесь были собраны растения со всего света, которые она вырастила из семян. Летом большинству людей он казался бы многоцветными дебрями, но на самом деле здесь действовала четкая система, и некоторые растения были продуманно размещены на определенных участках, поскольку на это имелись особые причины. Ибо Фрэнсин хорошо понимала таинственный и древний язык цветов.

Она всегда старалась содержать цветочные клумбы и грядки, расположенные на границе сада, в порядке. Арка, ведущая в лабиринт из рододендронов, была увита побегами ежевики; с боярышником и можжевельником соседствовал норичник. На грядке со зверобоем росла также мандрагора, а рядом, в середине грядки с крапивой, возвышалась, казалось, неуместная на ней бузина. Здесь было мало настоящих цветов, обычных цветов, тех, что встречаются в большинстве английских садов, но каждое здешнее растение, каждый куст и дерево были посажены здесь по одной-единственной причине – чтобы отпугнуть зло.

– Это еще одну ночь не пустит сюда вредных существ и защитит полезных, – сказала Фрэнсин, когда ее мешочек с порошком из трав опустел. И улыбнулась кустам боярышника, с которых одна за другой слетали красные ягоды, как будто Бри играла в шарики сама с собой.

Фрэнсин следовала за быстро скользящей Бри, которая сначала зашелестела сухими стручками рожкового дерева, похожими на высохшие почерневшие бананы, но немного пахнущими шоколадом, затем запутала голые ветки ивы. Затем она сотрясла ряд деревьев бобовника альпийского, растущих на краю двора и ожидающих, когда весна оденет их ослепительно-желтыми цветами. Еще несколько секунд, и ветки старого дуба, стоящего во дворе, чуть заметно колыхнулись, хотя сейчас здесь не было ни малейшего ветерка.

Держась у стены, чтобы ей не пришлось приближаться к старому колодцу, Фрэнсин быстро прошла мимо грядок с травами, которые посадила мать, затем, словно испуганный ребенок, взбежала по лестнице в свои личные апартаменты, находящиеся в западном крыле.

После долгой горячей ванны она надела длинную ночную рубашку и легла в кровать. И, выключив свет, стала слушать ночь.

Дом наполнили тихие шаркающие звуки и скрипы; он оседал на фундаменте и словно тоже готовился ко сну; Фрэнсин окутало его благотворное тепло, в котором витали успокаивающие запахи пыли и затхлости старых книг.

Фрэнсин ждала, как делала это каждую ночь. Она с детства научилась не отходить ко сну до того, как явятся остальные. Они всегда появлялись только тогда, когда она стояла на границе бодрствования и сна, в той смутной зоне, где соседствовали сновидения и реальность, не будучи целиком ни тем, ни другим.

Первым приходила Тибблз – полосатая кошка; она наполняла комнату своим мурлыканьем, затем ее шелковистая шерсть касалась руки Фрэнсин. За ней являлся старик, наиболее явственный из всех призраков, привязанных к Туэйт-мэнор. Ничего такого он не делал, только проходил сквозь стену спальни, снимал перед Фрэнсин свой цилиндр, после чего удалялся сквозь противоположную стену. За стариком следовал призрак беременной женщины. Она садилась у окна, выходящего во двор, с грустным выражением лица, после чего приходил маленький мальчик, дергал ее за юбку, и они вдвоем уходили так же тихо, как и вошли. В спальне оставались только Бри, сидящая в изножье кровати Фрэнсин, и Тибблз, которая сворачивалась рядом с Фрэнсин в клубок и спала до рассвета.

Призраки, обитающие в Туэйт-мэнор, не вызывали у Фрэнсин недовольства или досады. Все они были безобидны. Она предпочитала их обществу обществу живых людей, ведь они ничего не ожидали от нее, кроме одной-единственной вещи – чтобы она вспоминала о них каждую ночь.

Глава 4

Фрэнсин вздохнула, вглядываясь в чайные листья на дне чашки. Она выпила уже три чашки чая, и всякий раз чайные листья говорили одно и то же.

– Ко мне явится женщина, гостья, видишь? – Она наклонила чашку в сторону Бри, которая в ответ нетерпеливо постучала по столу. – Должно быть, это Мэдлин. – Опять стук. – Нет, речь не может идти о моих постояльцах, ведь они уже здесь, и они мужчины... А вот нечто, похожее на тучи, что означает неприятности. Рядом с фигурой женщины... Гостья, от которой исходят неприятности?

С крючка на стене упал половник.

Фрэнсин улыбнулась.

– Да, речь определенно идет о Мэдлин. – Нахмурилась, вглядываясь в чашку. – Гребень, – пробормотала она и, встав со стула, подошла к полке, на которой стояли тетради с записями матери. И, достав замусоленную тетрадь с указаниями по гаданию на чайных листьях, опять села за стол.

Хотя ей нечасто приходилось сверяться с этими записями, гребень был для нее чем-то новым. Она нашла этот символ. Он выглядел почти что в точности таким, как в ее чашке. Ее охватил тревожный трепет.

– Гребень означает врага.

– Нашел!

При звуке мужского голоса Фрэнсин вздрогнула, и все мысли о врагах вылетели из ее головы. Она резко повернулась на стуле, округлив глаза, затем расслабилась, увидев в дверях огромную нескладную фигуру Кифа О’Дрисколла. Он тихо присвистнул и обвел кухню взглядом.

Кухня была впечатляюще просторной, почти во весь первый этаж западного крыла, с медными кастрюлями на стенах. Посередине стоял громадный стол, вдоль стен были расставлены духовые шкафы, а на дальней стороне располагался исполинский очаг, почерневший от огня, который разжигали здесь уже несколько веков. С балочного потолка свисали сушеные травы и овощи, а в окна со свинцовыми переплетами лился рассеянный свет, так что днем кухня всегда была полна золотистого сияния. Задняя дверь была открыта и выходила во двор, так что отсюда было легко попасть в сад трав.

Для одного человека эта кухня была слишком велика, но так было не всегда. На протяжении веков она кормила многие и многие огромные семьи, и она всегда нравилась Фрэнсин. Несмотря на свои размеры, кухня была уютной, и Фрэнсин не решалась что-то в ней изменить. Эта кухня хранила слишком много дорогих ее сердцу воспоминаний о матери.

– Фу! Что это за мерзкая вонь? – Киф поднял руку и помахал ею перед лицом, словно отгоняя неприятный запах. Сейчас он впервые произнес достаточно слов, чтобы Фрэнсин смогла уловить в его речи ирландский акцент.

– Веди себя прилично, парень, – сказал Констейбл, войдя в кухню, и бросил на Фрэнсин извиняющийся взгляд.

– Это гвоздика. – Она многозначительно посмотрела на самодельную палочку гвоздичного благовония, горящую на буфете. – Она хороша для...

– Она хороша для защиты от злых сил, – тихо закончил Констейбл, задумчиво посмотрев на Фрэнсин.

Она ошарашенно уставилась на него. Он улыбнулся, вскинув одну бровь. Чувствуя себя так, будто постоялец застучал ее за чем-то предосудительным, Фрэнсин прочистила горло.

– Да, так говорят, – пробормотала она и смущенно потупилась. Она еще никогда не встречала человека, который, подобно ее матери, разбирался бы в защитных свойствах растений.

Или же этому малому, Тодду Констейблу, известно только о свойствах гвоздики? Гвоздика – довольно распространенная пряность, но знает ли он, что она также хороша для привороты?

Откуда у нее взялась эта мысль? Фрэнсин украдкой взглянула на него из-под ресниц, проверяя, продолжает ли он наблюдать за ней. Затем резко встала из-за стола и поставила свои чашку и блюдце в мойку, надеясь, что он не видел, как она гадала по чайным листьям. Одно дело, когда на тебя за этим занятием смотрит Бри, и совсем другое, когда об этом узнают чужие.

– Как бы то ни было, мне нравится этот запах, – добавила она, сама не понимая, зачем ей понадобилось это оправдание.

Констейбл поднял брови, поскольку это была явная ложь. Фрэнсин его не винила, ведь надо вообще не иметь обоняния, чтобы выносить одуряющий запах горячей гвоздики, не говоря уже о том, чтобы утверждать, что он тебе по душе. Разве что ты жжешь ее отнюдь не потому, что тебе нравится ее запах, а по совершенно другим причинам.

– А это что? – спросил Киф, показав на варево, кипящее на конфорке.

– Варенье из инжира.

– Я терпеть не могу варенье из инжира, – дружелюбно сказал Киф.

– Я тоже, – ответила она, удивившись тому, что вообще разговаривает с этим парнем.

– Тогда зачем вы варите его?

Фрэнсин пожала плечами.

– Не знаю... Варю, и все. Я всегда его варила.

– Хватит, Киф, – сказал Констейбл, раздраженно покачав головой.

Киф ухмыльнулся, затем прошел по кухне, двигаясь неуклюже, как это делают молодые люди, которые вымахали недавно и еще не привыкли к своим огромным размерам.

– Нам пора ехать в Хоксхед, – сообщил Констейбл.

Фрэнсин нахмурилась.

– Разве вы не позавтракаете? – Она кивком указала на конфорку, на которой рядом с вареньем из инжира шкворчала яичница с беконом. Один угол стола был накрыт на две персоны.

Киф с надеждой посмотрел на Констейбла.

– Всего пять минут, а? Я умираю с голоду.

– Ты всегда умираешь с голоду, – ответил Констейбл и, смирившись, уселся за стол. –

Мы быстро, дорогая.

– Не называйте меня так, – резко бросила она.

Его рука, потянувшаяся было к подставке для тостов, замерла в воздухе.

– Не называть как? – осторожно спросил он.

– Не называйте меня дорогой... Я не ваша дорогая!

Он кивнул, затем после неловкой паузы сказал:

– Разумеется, миссис Туэйт.

– Я не миссис. Просто Фрэнсин.

Губы Констейбла дрогнули в чуть заметной сухой усмешке.

– Хорошо, Фрэнсин. Я принял это к сведению.

– Здесь так тихо, – заметил Киф, говоря с полным ртом и не замечая напряжения, наполнившего кухню.

– Ночью Киф прибежал ко мне, и, бессвязно тараторя, точно мартышка, пожаловался, что кто-то все время пытается стащить с него одеяло.

Фрэнсин недовольно взглянула на окно, где ветви старого дуба едва заметно качались в том самом месте, которое особенно нравилось Бри. Через заднюю дверь донесся звук приглушенного смеха.

– Еще немного, и ему начнут чудиться привидения, – продолжил Констейбл, широко улыбнувшись при виде ужаса на лице Кифа.

– Лучше б ты этого не говорил, – промямлил Киф. – Сам я не подумал о привидениях, а решил, что это озорничает какой-то ребенок. А ведь это старый дом, и в нем наверняка куча мерзких привидений...

– Наверняка, – согласился Констейбл, подмигнув Фрэнсин, которая вздрогнула, когда он заговорил о привидениях.

Киф добродушно ухмыльнулся.

– Ну да, в голову поневоле лезут странные мысли, если ты заехал в жуткий старый дом и не можешь сомкнуть глаз, потому что за твоим окном всю ночь мигают какие-то огни.

– Какие огни? – резко спросила Фрэнсин.

– Огни в лесу, у ваших соседей. Из моего окна видны их дымовые трубы. Вам надо поговорить с ними об этом.

– У меня нет соседей. – Она неодобрительно посмотрела на Кифа, чувствуя, как по ее спине пробегает холодок. Может, он видел огни в бывшем здании лечебницы для душевнобольных, находящемся в лесу, в этом жутком месте, заброшенном много лет назад? – Мне... э-э... надо кое с чем разобраться, – пробормотала Фрэнсин и торопливо вышла через заднюю дверь. – Бри! – свирепо прошипела она, дойдя до дуба.

Ответом ей было недовольное молчание.

– Я знаю, что ты там. А ну слезай, или я посею вокруг твоего дерева горчицу, чтобы ты не могла спуститься с него. Ты же знаешь, как горчица действует на тебя.

Ветки дуба задрожали.

– Бри, я же говорила тебе, чтобы ты не докучала моим постояльцам, – сказала Фрэнсин чуть ли не умоляюще. – Просто веди себя прилично и не приближайся к их комнатам.

Дуб опять задрожал, затем голову Фрэнсин овеяло теплое дуновение, потянув узел ее волос, после чего Бри улетела в сад, чтобы дуться.

Фрэнсин покачала головой, отчего узел ее волос распустился совсем. Мысленно проклиная Бри, она снова уложила свои длинные белые волосы в свою обычную прическу, отлично осознавая при этом, что нарочно мешкает, чтобы не возвращаться на кухню.

Вскоре она услышала царапанье ножек стульев по полу, что заставило ее снова войти в дом. Мужчины уже позавтракали и вставали из-за стола.

– Всего хорошего, – пробормотала Фрэнсин, проходя по вестибюлю. Ей-богу, иногда Бри заходит слишком далеко, подумала она, надевая пальто.

Подняв взгляд, увидела, что Констейбл задумчиво смотрит, как она кладет в карман семена фенхеля и надевает на запястье браслет из корня лопуха. Напоследок взяла закрытую корзинку, которую ранее оставила на столе.

– Вас подвезти, Фрэнсин? – спросил Констейбл, когда из кухни вышел Киф, засовывая в рот последний тост.

– У меня есть две совершенно здоровые ноги, способные донести меня туда, куда мне надо, – ответила она более резким тоном, чем собиралась. Этот малый здорово выводил ее из равновесия, и она опять почувствовала себя так, будто он застукал ее за чем-то предосудительным.

– Как скажете, – ошарашенно отозвался Констейбл.

Фрэнсин кивнула и открыла парадную дверь. Затем подождала, пока мужчины не сели в свой фургон и не уехали, после чего быстро двинулась по дороге. День выдался ясный, погожий, один из тех дней ранней весны, когда стоит такой мороз, что больно дышать.

Она шла по покойницкой дороге, радуясь тому, что сегодня ей не надо идти в сумрачное сердце леса. Затем, нетерпеливо вздохнув, остановилась там, где от главной тропы отходила более узкая тропинка, ведущая в Колтхаус.

– Алфи, будь добр, подвинься, – сказала она маленькому мальчику, сидящему на корточках на тропинке, увлеченно разглядывая что-то, что он здесь нашел. – Сегодня я не в том настроении, чтобы терпеть твои штучки.

Этот маленький призрак, представляющий собой всего-навсего рассеянную тень, сошел с тропинки, и вид у него был такой несчастный, что Фрэнсин едва не последовала за ним, как делала иногда, и не пошла вглубь леса, туда, где он умер более ста лет назад. У Алфи была короткая жизнь и ужасная смерть, ибо он умер от холода, когда ему было всего три года, забредя как-то зимней ночью в лес Лоунхау. В этом никто не был виноват, это было просто ужасно и печально.

Мисс Кэвендиш жила в Колтхаусе, деревушке, расположенной к западу от Хоксхеда, и из ее коттеджа с аспидной крышей открывался вид на озеро Уиндермир и окрестные холмы.

Постучав в ее дверь, Фрэнсин оглядела маленький сад и нахмурилась. Мисс Кэвендиш любила работать в саду, но в этом году она не промульчировала¹⁰ почву на зиму и не обрезала розы, которыми так гордилась. Фрэнсин улыбнулась, взглянув на горшок с пеларгонией дуболистной, которую мисс Кэвендиш подарила ее мать в память об их дружбе. Каждый год мисс Кэвендиш срезала с этой пеларгонии черенки, чтобы то же самое растение продолжало жить и через несколько десятилетий после смерти Элинон Туэйт.

– Фрэн! Как я рада. Входи, входи. – Мисс Кэвендиш, шаркая, посторонилась, чтобы Фрэнсин вошла в дом.

Та оглядела маленькую гостиную, и в душе ее шевельнулась тревога. Комната была заставлена, как всегда, но вид у нее был странный, какой-то нежилой.

Встряхнувшись, она протянула старой даме бутылку, закупоренную пробкой.

– На сей раз у этого снадобья немного иной вкус. Я добавила к нему меда, чтобы перебить горечь ивовой коры.

– Твоего меда?

Фрэнсин кивнула.

– Да, я выкачала его сегодня утром, и вот еще яйца и пара пирогов. Я положу их в кухне, хорошо?

– Спасибо, Фрэн. Поставь чайник, пока не села, – скомандовала мисс Кэвендиш и артритной походкой подошла к креслу, стоящему у окна.

Сев за чай, они обе ничего не говорили, глядя на поросшие вереском складчатые холмы, спускающиеся к озеру Уиндермир.

– А как поживает юная Мэдди? – осведомилась мисс Кэвендиш, будто продолжая уже начатый разговор.

Фрэнсин спрятала невольную усмешку от этой едва завуалированной попытки вызнать информацию.

– Я уверена, что Марджори сыграла роль городского глашатая с упоением, как всегда, к тому же вам отлично известно, что вчера я разговаривала с Мэдлин. Она сказала, что приедет, но еще не приехала. Один из ее мужей умер, и Мэдлин была... в своем репертуаре, – добавила она. Это звучало доброжелательнее, чем если б она высказала то, что действительно думает обо всей этой мелодраме, разыгрываемой ее сестрой. Фрэнсин совсем не хотелось, чтобы эта мелодрама продолжилась, когда Мэдлин наконец решит приехать домой. Правда, если подумать, когда она говорила с Мэдлин, у той срывался голос, и она явно сдерживала себя, хотя в такой ситуации патетика была бы вполне допустима.

– Когда ее мир рушится, она всегда прибегает домой.

Фрэнсин вскинула брови и кивнула.

¹⁰ *Мульчирование* – укрытие поверхности почвы для защиты и (при применении соответствующих материалов) обогащения.

– Полагаю, так оно и есть.

Мисс Кэвендиш усмехнулась.

– Что ж, она всегда была еще той штучкой, эта Мэдлин Туэйт. И сводила парней с ума. У меня остались самые теплые воспоминания обо всех вас.

– Нас же всегда было только две: Мэдлин и я, – нахмурившись, сказала Фрэнсин.

Старая дама замолчала, смутившись.

– Да, конечно, – пробормотала она. Затем улыбнулась. – Не слушай меня, глупую старуху. Мой разум уже не тот. – Но этот разум, который, по ее словам, стал уже не тот, явно был чем-то обеспокоен. – Бри все еще с тобой? – небрежно спросила она.

Фрэнсин улыбнулась.

– Разумеется. – Затем ее губы сжались. – Она повадилась пугать наших постояльцев.

– наших... А, ну да, – рассеянно ответила мисс Кэвендиш. – Прелестная девочка эта Бри.

Фрэнсин опять нахмурилась. Мисс Кэвендиш никогда не верила в существование привидений и всегда иронизировала над верой Фрэнсин в то, что та видит. Фрэнсин это не беспокоило, потому что мисс Кэвендиш была единственным человеком в округе, который проявлял к ней доброту, и за это она была готова простить старой даме почти все. И все же...

– Вы же никогда не верили в существование Бри. – Она вскинула ладонь, когда мисс Кэвендиш открыла рот, чтобы отпереться от такого неверия. – Я помню, как мама и вы спорили о существовании призраков, и вы всегда утверждали, что их нет.

– Возможно, это было вызвано действием той изумительной сливовой настойки, которую гнала твоя мать. Употребив по нескольку стаканов этого напитка, мы всегда начинали яростно спорить о множестве вещей. – Она вздохнула и добавила: – Элино́р была моей самой близкой подругой, но это не значило, что я была согласна со всем, что она говорила или делала. И мне не нравилось, что Элино́р потворствовала твоей прихоти касательно... – Она замолчала, подбирая подходящие слова. – Касательно твоей воображаемой подружки. Для молодой девушки ненормально цепляться за прошлое.

– Бри – это привидение; она привязана к нашему дому.

Мисс Кэвендиш сначала покачала головой, потом кивнула, будто ведя мысленный спор с самой собой. Давая молчанию оформиться, Фрэнсин хмуро смотрела на опущенную голову старой дамы, отметив про себя ее немощность, которая сейчас явно стала куда более выраженной, чем во время предыдущего визита Фрэнсин.

Мисс Кэвендиш подалась вперед с заговорщическим блеском в выцветших голубых глазах.

– Погадай мне на чайных листьях, Фрэн, как это делала твоя мать. Наша Элино́р хорошо умела это делать.

Фрэнсин принужденно кивнула, изумленная этой просьбой. Во время ежемесячных визитов Фрэнсин мисс Кэвендиш ни разу не попросила ее погадать на чайных листьях, хотя Элино́р Туэйт делала это регулярно. Минуту они обе молчали, вспоминая женщину, которая прожила недолгую жизнь, но до сих пор продолжала оказывать влияние на их собственные жизни.

– Выпейте чай, и давайте посмотрим.

Мисс Кэвендиш осторожно повернула чашку влево и вправо, повторив это три раза, прежде чем опрокинуть ее на блюдце, и, опять перевернув, протянула ее Фрэнсин.

Ворон, различимый очень ясно, соединенный возле ручки со змеей с помощью волнистой линии. Фрэнсин сжала губы, и чувство тревоги, охватившее ее, когда она вошла в коттедж, усугубилось.

Ей не было нужды что-то говорить.

– Что ты там видишь? – нетерпеливо спросила мисс Кэвендиш.

Фрэнсин покачала головой, так плотно сжав губы, что они стали почти не видны.

– Ах, вот оно что... – Мисс Кэвендиш откинулась на спинку кресла. – Значит, это случится скоро?

– Да.

Мисс Кэвендиш удовлетворенно кивнула.

– Как долго вы уже знали об этом?

– Довольно долго. Рак. И теперь метастазы проникли в мой мозг.

– Мне очень жаль.

Старая дама рассмеялась.

– Полно, дорогая. Мое время пришло. Рано или поздно смерть приходит к каждому из нас. Это единственная неоспоримая данность в нашей жизни.

Фрэнсин сглотнула ком, застрявший в ее горле.

– Я принесла вам не то снадобье. Если б я знала...

Мисс Кэвендиш похлопала ее по руке.

– Ты не могла и не должна была это знать. Я в любом случае рада, что ты пришла ко мне.

Сердце Фрэнсин пронзила печаль; она смотрела на лицо мисс Кэвендиш, такое любимое, на котором из года в год на протяжении многих лет появлялись все новые и новые морщины. И история их отношений была записана в каждой морщинке, образованной смехом и горем, которые они делили друг с другом.

– Я надеюсь, что умру во сне, – заметила мисс Кэвендиш с отстраненным выражением лица, как будто она уже видела свой конец. – Или в этом кресле, так, чтобы последним, что я увижу, стали это озеро и эти холмы. Тогда я умру легко. – Она моргнула и улыбнулась Фрэнсин.

подавив горе, с которым она предпочла бы справляться, когда останется одна, Фрэнсин сказала:

– Я по-быстрому уберу дом и пойду.

– Ты слишком добра ко мне, Фрэн.

– Именно этого и хотела бы моя мать.

Старая дама кивнула, но мыслями она явно была далеко и глядела на свои любимые пустынные вересковые холмы.

Фрэнсин достала из-под мойки чистящие средства и начала убирать дом, как она делала каждый месяц. Это не заняло много времени, и вскоре она вернулась в гостиную.

Мисс Кэвендиш сидела в кресле все в той же позе.

Фрэнсин обеспокоенно наморщила лоб и отметила про себя, что надо почаще навещать старую даму, пока она не перейдет в мир иной.

– Ну, я пойду, мисс Си – нет, не вставайте, – и вернусь с более сильным средством, чтобы облегчить вашу боль.

– Да, Фрэн, пожалуйста, – рассеянно проговорила мисс Кэвендиш, не повернувшись. Она словно съежилась в своем любимом кресле и смотрела в окно, полузакрыв глаза, но Фрэнсин была уверена, что сейчас она видит перед собой отнюдь не озеро Уиндермир.

Охваченная еще более острой тревогой, Фрэнсин вышла из коттеджа и бесшумно закрыла за собой дверь.

– Бри! – позвала она, войдя в дом. И, торопливо пройдя через кухню, вышла во двор. – Бри! – позвала опять, заметив, что верхние ветки дуба колышутся под своим собственным ветерком. Затем, идя вдоль той стены, от которой не было видно кладбище, направилась к садовому сараю, стоящему возле курятника, загона для коз и маленького хлева, который она соорудила для своей коровы по кличке Маккаби; сейчас та ушла в лес, чтобы пощипать траву, но к вечеру вернется, как делает всегда. Все эти помещения для скотины находились рядом с величественным и красивым стеклянным зданием викторианской оранжереи, которую один из предков когда-то привез из Лондона, заплатив за нее немалые деньги. А с опушки леса доносилось гудение пчел.

Войдя в оранжерею, Фрэнсин на миг остановилась, вдыхая пряные пьянящие запахи торфа, коры и удобрений – последнее, разумеется, было не химическим, а природным. Со стеклянного потолка свисали орхидеи, привезенные из дальних краев, внизу раскинулись экзотические папоротники, каменный пол был увит редкими вьюнками, рядом с остроконечными побегими алоэ уже несколько месяцев цвели розовые цветы мединиллы великолепной. Это было частное собрание некоторых из самых редких растений в мире, за обладание которыми многие коллекционеры убили бы родную мать, но видеть их могла только Фрэнсин.

На старом хозяйственном столе стояли сотни старых банок из-под варенья, миски, маленькая горелка, ступки и пестик. Груда наполовину готовых деревянных кукол высилась рядом с кипой благовоний, изготовленных из асфодели. Пузырьки с эфирными маслами были аккуратно расставлены перед более крупными склянками, содержащими густые мази. Каждое из этих снадобий было по-своему ценным, ингредиенты для них были собраны точно в урочное время, и все они были приготовлены так, как предписывала древняя премудрость, которой Фрэнсин научила мать.

Достав из-под стола пакет, Фрэнсин со знанием дела окинула взглядом измельченные травы и корни и начала класть в пакет по горсти то того, то сего, затем поставила в стоящую рядом тачку большой мешок компоста и мешок каменной соли.

Оставив тачку у края лужайки, Фрэнсин подошла к дубу во дворе.

– Бри! – позвала она. – Оставь свои игры, нам надо подкормить растения.

Ответом ей стало тяжелое укоризненное молчание.

– Прости, что сегодня утром я резко разговаривала с тобой, – сказала она, досадливо покачав головой. – А теперь перестань дуться и спускайся. Скоро приедет Мэдлин, а ты знаешь, как она выводит всех из равновесия.

Фрэнсин с тревогой ждала, надеясь, что имени Мэдлин будет достаточно, чтобы вывести Бри из дурного расположения духа. После визита Мэдлин Бри несколько месяцев вела себя так несносно, что Фрэнсин вообще не могла брать постояльцев. Надо защитить дом как можно лучше, чтобы это не повторилось.

Фрэнсин пошла прочь, затем улыбнулась, почувствовав теплое дуновение, устремившееся мимо нее в сторону сада. И, взявшись за ручки тачки, повезла ее к ближайшей клумбе.

Лихорадочно работая, она разбрасывала каменную соль и компост по цветочным клумбам. Бри резвилась рядом, шмыгая ту туда, то сюда, так что помощи от нее было мало. Но Фрэнсин и не требовалась ее помощь, ей было нужно только ее общество.

Клумбы и грядки, расположенные по периметру, она оставила напоследок. Доставая из пакета измельченные травы, горстями разбрасывала их, тихо распевая заговоры, которые женщины семейства Туэйт веками передавали из уст в уста подобно изустной Книге теней.

– Ясменник изгоняет прижимистость... Ядра лесного ореха оградят нас от несчастливой судьбы... Страждущую душу исцеляют бутоны плакун-травы...

Тихо-тихо, так что его едва можно было расслышать, слышался призрачный голосок Бри:

– Копьевидная вербена отгонит злонамеренных... Корень мандрагоры запутает демонов... Семена тмина отведут все воровские глаза...

Фрэнсин улыбнулась, потому что, если не считать хихиканья, Бри никогда ничего не говорила. Призраки, являющиеся в Туэйт-мэнор, вообще разговаривали редко.

Глава 5

Дом заключил Фрэнсин в свои крепкие объятия, словно пытаясь убаюкать ее. Но сон все не приходил. Широко раскрыв глаза, она смотрела на темный потолок и изнывала от беспокойства.

Фрэнсин беспокоилась о таких вещах, о которых другим даже не пришло бы в голову беспокоиться, беспокоилась о пустяках, пока они не начинали казаться ей чем-то важным – одна из кур стала плохо нестись, а значит, надо было сходить на соседнюю ферму, чтобы купить новую несущую; к тому же надо было починить протекающую трубу в ванной на третьем этаже, однако Фрэнсин знала, что ей посоветуют заменить все трубы в доме, что было невозможно из-за нехватки финансов.

Ночь тянулась и тянулась, а она все думала, думала... Думала о мисс Кэвендиш. Та всегда была для нее чем-то вроде любимой, но строгой тетушки. Фрэнсин хотела переселить ее в свой дом, чтобы она провела здесь последние недели своей жизни, но знала – старая дама откажется переехать сюда. Как и Фрэнсин, она была старой девой и в силу привычки всегда полагалась только на себя, лишь изредка принимая одолжения от других.

А что насчет гребня, который она увидела, когда гадала по чайным листьям нынче утром? Ей редко случалось видеть в этих листьях что-то зловещее, и она не могла поверить, что кто-то может желать ей зла. Ведь она мало кому знакома. Но ей все же было не по себе, как будто изнутри царапало битое стекло.

Так что, когда царящее в доме безмолвие разорвал истошный крик, это стало для нее почти облегчением.

Фрэнсин вскочила с кровати и, поджав губы, посмотрела в окно, уверенная в том, что сейчас она увидит деревенских мальчишек, балующихся в ее саду, как это иногда случалось по ночам.

Нахмурившись, она склонила голову набок, когда дом огласил еще один истошный пронзительный крик.

– Бри! – прошипела она, пожав плечами под стеганым халатом, который когда-то принадлежал матери. И, поспешно перейдя через темный вестибюль, перебралась в восточное крыло, чувствуя пронизывающую дом настороженность.

– А-а-а! – вскрикнула Фрэнсин, врезавшись в какую-то темную фигуру. – Ах, это вы, мистер Констейбл, – смущенно проговорила она, когда он включил свет.

– Добрый вечер, Фрэнсин, – сказал он.

– Вы слышали этот крик? Это был ваш подмастерье?

– Да, думаю, это был Киф; он все накручивает себя по пустякам и сводит меня с ума, без конца болтая о привидениях... Я как раз собирался проверить, есть они здесь или нет. – Смеясь, он отставил локоть в сторону, приготовившись взять Фрэнсин под руку, и поклонился: – Может, вы присоединитесь ко мне?

Фрэнсин взглянула на его локоть.

– Думаю, нет, – огрызнулась она. – Надо же – ваш подмастерье раскричался посреди ночи... – И прошла мимо него. Ей не нравилась его широкая ухмылка – наверняка он смеется над ней. Она постучала в дверь Кифа, и из его комнаты донесся еще один душераздирающий крик, за которым последовал грохот.

Констейбл протянул руку и, открыв дверь, включил свет. Ирландец бегал по комнате, махая руками над головой и вопя:

– Убирайся! Слезь с меня!

– Что он делает? – недоуменно спросила Фрэнсин.

Констейбл пожал плечами.

– Киф, с чего это ты визжишь, как девчонка?

Киф повернулся к ним, с растрепанными волосами и безумным взглядом. Его руки опустились, затем обхватили его туловище.

– Тут что-то есть, Тодд. Я же говорил тебе вчера, что в этом доме водятся привидения. Какая-то тварь все время сдергивает с меня одеяло, а сегодня вечером... – Он слотнул так, что его кадык рванул вверх и тут же бросился обратно. – Сегодня вечером что-то дергало меня за волосы!

Фрэнсин оглядела комнату, ища следы пребывания здесь Бри, затем перевела взгляд на порог, который она нынче утром посыпала порошком из лавровых листьев, чтобы не пустить Бри в комнату своих постояльцев. Порошка не было, он исчез.

Констейбл, прищурясь, осмотрел комнату и темный коридор, после чего сказал:

– Здесь ничего нет. – Затем криво улыбнулся Фрэнсин, как будто они вместе разыграли парня, нахмурился, когда Фрэнсин не ответила на его улыбку, и прочистил горло. – А впрочем, такой здоровенный детина, как ты, не должен пугаться, если является привидение или даже пара привидений.

– Пара привидений? – взвизгнул Киф. И бросился на кровать, будто ожидая, что что-то выпрыгнет из-под нее. – Лично мне хватило и одного. Я никогда не думал, что могут быть и другие! – Он натянул одеяло до подбородка и, задрожав, продолжил дрожащим голосом: – Это все из-за этих разговоров о привидениях. Мы, ирландцы, вообще видим то, чего нет.

Констейбл покачал головой.

– Да уж, ты прав, тут ничего нет.

– Привидений не существует, – соврала Фрэнсин. Одно дело, когда призраки видит она сама, и совсем другое, когда они являются ее постояльцам. Она старалась всеми силами защитить своих друзей-привидений.

– Иди спать, Киф, – сказал Констейбл.

Тот завизжал:

– Не оставляйте меня! – Но его крик не нашел отклика, и дверь закрылась.

– Он всегда такой... чувствительный? – спросила Фрэнсин, когда она и Констейбл прошли короткое расстояние до комнаты постояльца.

– Боже мой, нет! Обычно чувствительности у него бывает не больше, чем у кирпича. Я вообще не понимаю, что на него нашло.

Фрэнсин сжала губы. Она отлично знала, что именно так подействовало на подмастерье-ирландца, и, когда она доберется до Бри... то надо будет отчитать эту негодницу. Надо будет посеять под дубом горчицу, чтобы преподать ей урок.

– Ну что ж, тогда... – Фрэнсин огладила свой халат. – Тогда я, пожалуй, пожелаю вам доброй ночи, – сказала она, повернувшись.

И остановилась, когда Констейбл произнес за ее спиной:

– Почему вы живете в таком страхе?

Фрэнсин заставила себя повернуться к нему.

– Какая чепуха, – проговорила она. – Я не испытываю страха ни перед чем.

– Вы поместили в наших комнатах мешочки с репешком, буквицей и шандрой, и думаю, что они есть во всех комнатах дома. У парадной двери посажен можжевельник, да и вообще почти все растения в вашем саду предназначены для защиты от зла. – Он улыбнулся. – И, думаю, вы единственный человек, которого я знаю, кроме моей бабушки, который посадил в своем огороде крапиву.

Ошеломленная, Фрэнсин спросила:

– Значит, вы разбираетесь в садоводстве?

– Нет, но я разбираюсь в защитных травах. Моя бабушка родом с Ямайки, и она выращивает многие из тех трав, которые выращиваете вы, чтобы защититься от зла. И она заста-

вила меня выучить эти травы, когда я был ребенком. – Он усмехнулся. – Она говорила, что это нужно для защиты, хотя никогда не уточняла, от чего.

– А она жива? – спросила Фрэнсин, охваченная невольным любопытством.

– Да, очень даже жива, хотя ей уже сто два. Она каждое утро пьет чай из омелы и шалфея, который, по ее словам, и поддерживает в ней жизнь. Но от чего же защищаете себя вы?

Фрэнсин пожала плечами.

– Кто его знает...

Между ними повисло молчание, которое она не желала нарушать. Всю свою жизнь Фрэнсин пользовалась молчанием, чтобы другие не заглядывали в ее жизнь, но сейчас ей казалось, что Констейблу ее молчание нипочем.

– Тогда спокойной вам ночи, – сказал он наконец, пока Фрэнсин стояла молча.

– Спокойной ночи. – Она повернулась и пошла прочь по коридору, одетая в свой старый халат и гадая, почему ей вообще кажется, что непременно надо удалиться чинно.

В спальне Фрэнсин не сразу легла в постель. Какой смысл ложиться, если скоро взойдет солнце? Вместо этого она надела твидовую юбку и синюю блузку и опять спустилась в кухню.

Фрэнсин сидела за столом и смотрела на стену в молчании раннего утра. В ее животе что-то трепетало, но она надеялась, что это не хворь.

– Не хватало еще, чтобы я чем-то заболела в то время, когда сюда с минуты на минуту должна явиться Мэдлин, – сказала она, обращаясь к Бри, которая начала поднимать со стен висящие поварешки и с лязгом отпускать. – И знаешь что, юная леди, я говорила тебе, чтобы ты не пугала наших гостей, – добавила она. – Ты чуть не перепугала этого парня до смерти.

До нее донесся призрачный смех, в котором не было ни капли раскаяния.

Фрэнсин открыла было рот, чтобы укорить Бри, затем закрыла его. Ей было тяжело подолгу сердиться на этого маленького призрака.

Понаблюдав за лязгающими поварешками, она проговорила:

– Думаю, этот Тодд Констейбл мне не по душе. Он задумчив, а значит, наблюдателен. А нам не нужно, чтобы он заметил то, чего не должен. Скорее всего, он уже это заметил.

Поварешки звенели, когда Бри пролетала мимо них.

– И не вздумай наглеть, – добавила Фрэнсин. – Но мы не можем просто сидеть сложа руки, ведь скоро сюда приедет Мэдлин. Нам надо прибрать кухню как следует.

Несколько часов спустя кухня блестела, и сквозь свинцовые оконные переплеты в нее проникал солнечный свет. Наверху ощущалось движение.

Фрэнсин разбила яйца и начала жарить бекон, не замечая, что глаза у нее щиплет от недосыпания. Бри летала под потолком, обсыпая кухню сухими травами.

– Мне жаль, что к нам приезжает Мэдлин, – произнесла Фрэнсин. – Хотя я и не знаю почему. Ведь она моя сестра, а значит, я должна хотеть, чтобы она приехала.

Бри сочувственно осыпала голову Фрэнсин сухим розмарином.

Фрэнсин знала, что дело не в самой Мэдлин, а в тех воспоминаниях, которые она принесет с собой. Она была так похожа на мать, что у Фрэнсин щемило сердце.

– Что-то горит, – сказал Констейбл.

Фрэнсин посмотрела на сковородку. Яичница почернела по краям, а бекон скукожился.

– Я поджарю еще, – пробормотала Фрэнсин и попыталась убрать сковороду с конфорки. Ее пальцев коснулась теплая рука.

– Не трогайте меня! – завопила она, когда Констейбл взял у нее сковородку.

Она отодвинулась, пока между ними не образовалось приличное расстояние.

Констейбл поставил сковороду обратно на конфорку и вскинул ладони.

– Прошу прощения, – произнес он мягким голосом, словно успокаивая испуганную лошадь. – Я не хотел вас напугать.

Фрэнсин кивнула, чувствуя себя душой. Она не помнила, когда ее в последний раз касался мужчина, и ее сердце колотилось, как будто она взбежала на холм.

– Мы съедим эту яичницу, – сказал Констейбл, когда в кухню неуклюже вошел Киф. – Ведь я все равно предпочитаю, чтобы бекон был прожарен как следует.

Фрэнсин кивнула, затем выпалила:

– Сегодня сюда придет еще одна гостья. Моя сестра.

Констейбл перестал перекладывать яичницу с беконом на тарелки и испытующе посмотрел на нее.

– Надо думать, вы будете рады видеть ее.

– Вовсе нет! – Фрэнсин зажала рот рукой, чтобы не сболтнуть что-то еще. Ведь она никогда не сообщала чужим то, что касалось ее самой и ее семьи. Это было так необычно, что она с удивлением почувствовала, как ее глаза щиплют слезы. – Мне надо убрать дом, – пробормотала она и торопливо вышла из кухни.

– По-моему, она немного того, – донесся до нее шепот Кифа.

– Попридержи язык и прояви уважение. С ней все в порядке. Просто она немного другая. Интересная...

Забежав в маленькую гостиную, чтобы, чего доброго, не услышать ничего такого, Фрэнсин села на стул, прямая и напряженная.

Она любила эту комнату, просторную, но уютную, со свинцовыми переплетами на окнах, полную бодрости, которую подчеркивали лимонные обои и светло-желтая обивка стульев. Но больше всего Фрэнсин нравился здесь огромный камин. Это была одна из самых старых частей дома, и камин здесь разжигали нечасто; иногда, как сейчас, когда приближалась гроза, от разожженного здесь огня тянуло сквозняком, шевелящим горчичные шторы.

Чувствуя ее беспокойство, старый дом словно собирался вокруг нее, щекоча ее вихрем пылинок. Если не считать кухни, именно в этой комнате ее воспоминания о матери были острее всего. Именно здесь мать всегда занималась шитьем. И Фрэнсин видела сейчас, как она сидит на кресле у окна, как будто это было вчера, поставив свою корзинку с рукоделием на стол, наклонив голову и высунув язык – так она вдевала нитку в иголку и отрезала ее ножницами. Фрэнсин помнила, как мать много раз говорила ей не трогать эти ножницы, большие, тяжелые, с черными ручками. Когда она была маленькой, эти ножницы пугали ее, и она никогда не притрагивалась к ним. Это было простое воспоминание, но оно было дорого ей.

Однако сейчас эта комната и эти воспоминания не приносили ей утешения.

– Что со мной происходит, Бри? – прошептала она, почувствовав тепло призрака на подлокотнике кресла, после чего что-то ласково коснулось ее волос. – С какой стати Мэдлин являться сюда? Я не хочу ее видеть. Мне нравится жить так, как я живу теперь, и я не хочу... – Она вздохнула и потерла лицо. – Но хватит об этом. Она моя сестра, и у нее столько же прав находиться здесь, как и у меня.

Фрэнсин встала, подошла к буфету, стоящему под лестницей, и, достав из него свои самодельные чистящие средства, поднялась по лестнице в свое крыло дома.

Дотронувшись до ручки двери комнаты Мэдлин, она замерла. Она не входила туда уже несколько лет. Бри томилась рядом и от возбуждения пихала картины, висящие на стенах коридора, чтобы они перекосились.

– Иди на первый этаж, Бри. Я уберусь здесь одна.

Фрэнсин не удивилась, когда Бри скользнула вниз, перекосив все картины на своем пути.

В комнате Мэдлин ничего не менялось со времен их детства. Стены все так же были оклеены обоями с ягнятами, бегающими среди желтых цветов, теперь, правда, выцветшими. У одной из стен все так же находилась узкая кровать, ныне с ничем не застеленным матрасом, а напротив располагался широкий гардероб из древесины грецкого ореха. Под окном был поставлен письменный стол, на котором стояла ваза с филигранью под ободком и черными

остатками цветов, рассыпавшихся в пыль, когда Фрэнсин дотронулась до них. Когда-то это были садовые лютики, цветы Мэдлин. Эти желтые цветы не очень-то оживляли ее комнату, но Фрэнсин всегда ставила их здесь, когда сестра приезжала домой; это было напоминание о матери, хотя вряд ли Мэдлин это замечала.

От самой Мэдлин здесь не было ничего. Никаких картинок, оставшихся с детства, никаких книг в книжном шкафу возле двери. Именно так выглядела эта комната, когда Мэдлин уехала отсюда в возрасте шестнадцати лет. И ее короткие нечастые визиты не оставили здесь ни малейшего отпечатка.

Когда комната была убрана, а кровать застлана, Фрэнсин поместила под матрасом один из своих защитных мешочков, после чего торопливо вышла вон, потому что была не в силах находиться в этом мертвом помещении и дальше.

Убирая чистящие средства, она услышала, как перед парадной дверью остановилась машина. Спустившись в вестибюль, замешкалась, проверяя, все ли в порядке, затем нехотя стряхнула пыль с юбки и блузки и сделала глубокий вдох. Затем, прежде чем Фрэнсин успела открыть парадную дверь, та распахнулась, и в дом ворвалась Мэдлин.

Глава 6

В пятьдесят один год Мэдлин все еще была красива и обладала гипнотическим великолепием. Ее длинные темно-рыжие волосы ниспадали изящными волнами, макияж скрывал чуть заметные морщинки вокруг глаз и губ, и глаза оставались все такими же – большими, зелеными, опущенными темными ресницами и полными такой беззащитности, словно она была готова вот-вот разрыдаться. На ней было надето светло-зеленое платье, скроенное так, чтобы подчеркнуть ее пышную фигуру, свидетельствующую о непреодолимой любви к шоколадным конфетам.

Ступив на порог, Мэдлин мелодраматично застыла.

– Я могу войти? – спросила она звучным хриплым голосом, подняв одну выщипанную бровь.

Фрэнсин посмотрела на гору чемоданов, которые таксист продолжал переносить на крыльцо. И, натянуто улыбнувшись, кивнула.

– И ты, и все остальное.

Мэдлин почти подбежала к Фрэнсин и сжала ее в объятиях.

Они были непохожи, как ночь и день. Если наружность Мэдлин была окрашена в яркие цвета – пусть даже с возрастом эти цвета стали поддерживаться искусственно, – то Фрэнсин была бесцветна. Все в ней было тонким или худым: тонкий нос, тонкие губы, худое лицо, худые плечи, худые ноги, узкие бедра и отсутствие бюста – какового у Мэдлин было хоть отбавляй.

– Как же долго мы не виделись, – прошептала Мэдлин. – Ты ничуть не изменилась.

– Ты тоже, – ответила Фрэнсин. – Она вглядывалась в лицо сестры с тревогой, ибо, несмотря на макияж, под глазами Мэдлин были видны темные тени, говорящие о бессонных ночах.

Мэдлин отпустила Фрэнсин и с многозначительным видом посмотрела на таксиста, ожидающего оплаты.

– Ты не могла бы заплатить? Я забыла взять с собой наличные.

Фрэнсин пристально поглядела на сестру, затем быстро прошла на кухню, где в спрятанной в буфете старой жестянке из-под печенья хранила свои деньги. Она не доверяла банкам.

– Что случилось? – спросила она, когда таксист удалился. – У тебя ужасный вид.

– Ты всегда говоришь мне такие приятные вещи, – отозвалась Мэдлин, однако в ее тоне не было ни следа колкости.

Фрэнсин хмуро посмотрела на чемоданы, все еще стоящие на крыльце, затем затащила их в вестибюль.

Мэдлин открыла дверь главной гостиной, которую Фрэнсин всегда держала закрытой, и, уперев руки в бока, огляделась.

Фрэнсин не переступила порог. Главная гостиная никогда не нравилась ей, ведь ее окна выходили на кладбище. Сколько она себя помнила, в этом огромном камине никогда не разводили огня, и стулья и столы для закусок, расставленные на потертом персидском ковре, никогда не использовались. Это была мертвая комната, и Фрэнсин никогда ничего не делала, чтобы это изменить. Ей не нравились перемены; перемены несли с собой сложности.

Она сморщила нос, когда из этой редко открываемой комнаты ударил крепкий запах застоявшегося табачного дыма. Это было странно, ведь сама она никогда не курила и ясно давала понять, что курильщикам в ее доме не рады. Фрэнсин была совершенно уверена, что ее новые постояльцы не курят, потому что иначе она учуяла бы исходящий от их одежды запах табака.

– Ты могла бы уделять дому больше внимания, – заметила Мэдлин.

– Он нравится мне таким, какой есть.

Мэдлин грациозно повернулась на одном каблуке и, все так же подбоченившись, прошла на кухню. И посмотрела на чашку, стоящую рядом с блюдцем, и на чайные листья на ее дне.

– И я вижу, что ты по-прежнему большую часть времени проводишь на кухне.

Фрэнсин пожала плечами.

– И по-прежнему гадаешь на чайных листьях.

Фрэнсин принужденно кивнула.

Мэдлин склонила голову набок и внимательно посмотрела на старшую сестру.

– Тебе некомфортно от того, что я здесь.

– Почему ты так решила? – Она терпеть не могла, когда Мэдлин делала такие вот толковые замечания. Это шло вразрез с ее обычным легкомыслием.

– Это видно по тому, как ты стоишь. Так неподвижно и прямо. Ты всегда так делала, будто надеясь, что, если ты не будешь шевелиться, тебя никто не заметит.

Фрэнсин не видела ничего плохого в том, чтобы стоять или сидеть смирно. Это же лучше, чем ерзать. Она терпеть не могла тех, кто ерзал.

Вздыхнув, Мэдлин села за стол. Фрэнсин уселась напротив.

– Что случилось с твоим мужем, с...

– С Джонатаном, – подсказала Мэдлин и снова вздохнула. – У него был рак лимфатической системы. В конце мы уже ничего не могли для него сделать, только обеспечить ему покой. Это было... тяжело. – Из уголка ее глаза выкатилась слеза. Фрэнсин смотрела, как она стекает по напудренной щеке сестры и шлепается на стол. – Это было ужасно, Фрэнни. Он был таким добрым человеком... Он заботился обо мне. – Она с усилием сглотнула, пытаясь сдержать поток слез, и прошептала: – Мне его не хватает.

Фрэнсин прочистила горло и, надеясь, что это помешает Мэдлин окончательно впасть в истерику, к чему она явно была уже близка, спросила:

– А что произошло с твоим предыдущим мужем? Он, кажется, был спиритом?

– Себастьян был оккультистом. Он был душа, но в конце концов у меня с ним не заладилось. А потом я встретила Джонатана. – Она улыбнулась своим воспоминаниям, которые грозили вылиться в новый поток слез.

– Мне очень жаль, – смущенно отозвалась Фрэнсин, поскольку не знала, что еще можно сказать перед лицом неподдельного горя сестры. – Этот Себастьян, – быстро добавила она, видя, что глаза Мэдлин наполнились слезами, – он имел обыкновение вызывать духи умерших?

– Разумеется. Он постоянно проводил сеансы. К нему приезжали люди со всех концов страны, чтобы он им погадал. Он был по-своему знаменит. – Мэдлин явно гордилась сомнительной славой своего бывшего мужа, как будто та распространялась и на нее саму.

Фрэнсин не удивилась внезапному интересу Мэдлин к оккультизму. Сестра всегда перенимала интересы своих мужей, делая это с той же одержимой страстью, которую она питала к самому своему очередному мужчине, пока не захомотала его и не вышла за него замуж, после чего ее в конце концов охватывала скука. Ее внимание было так же неустойчиво, как у мухи-поденки.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты не пренебрегала защитой, когда имела дело со всей этой... ерундой.

Отвлечшись от жалости к себе, Мэдлин картинно закатила глаза.

– Ну конечно. Мама ведь и меня научила, как защищаться с помощью растений – а не одну тебя.

Немного смягчившись, Фрэнсин спросила:

– Ты можешь привести примеры?

Испустив театральный вздох, Мэдлин распевно начала:

– *Корень дягиля, чтобы рассеять дьявольские чары... Дабы провидеть, потребны эжжесные ноготки, срезанные в полдень... Ветка омелы защитит родных и близких...*

Фрэнсин фыркнула.

– Хорошо, что ты использовала защиту; правда, ногти все же не так хороши.

– Себастьян использовал их постоянно.

– Тогда этот малый – шарлатан и идиот.

Мэдлин насупилась.

– Ты опять за свое...

– О чем ты?

– А вот о чем – если я говорю, что небо голубое, то ты всегда отвечаешь, что оно розовое или бесцветное.

– Вовсе нет!

– Постоянно.

– Неправда!

– Правда!

Мэдлин вдруг резко выпрямилась и огляделась по сторонам.

– Кстати, о призраках. Бри по-прежнему с тобой?

– Ты всегда выводишь ее из равновесия, когда приезжаешь, так что я отослала ее на дуб во дворе, пока не начнет вести себя прилично. – Она устремила на сестру укоризненный взгляд. – Ты же никогда не верила в существование Бри, никогда не верила в существование привидений. Меня удивляет, что ты вообще заморачивалась с этими сеансами и всем прочим, чем занимался этот твой муж.

Мэдлин открыла было рот, чтобы возразить, затем закрыла его и надулась.

– Верно, – признала она. – Но в них веришь ты, и в них верила мама. Думаю, мне тоже захотелось в них поверить. И Себастьян говорил о них очень убедительно, так что мне это показалось возможным.

В кухне воцарилось неловкое молчание. Мэдлин избегала смотреть Фрэнсин в глаза и продолжала сидеть, уставясь в стол.

Фрэнсин была уверена, что сестра что-то скрывает.

– Почему ты решила вернуться домой?

Мэдлин пожала плечами.

Фрэнсин хмуро посмотрела на опущенную голову сестры.

– Мэдлин! – резко произнесла она, когда молчание стало невыносимым. – Ты ведь не была дома пять лет. Почему же решила вернуться сейчас?

– Ты что, не слышала, что я тебе сказала? У меня только что умер муж! Разве этого недостаточно? – Сестра резко встала – Я устала. Я поговорю с тобой позже. – И она торопливо вышла из кухни, пока Фрэнсин не успела сказать что-то еще.

Та сидела и слушала, как Мэдлин поднимается по лестнице, затем идет по коридору второго этажа. Она просидела так долго, затем вздохнула и пошла делать свои дела. Начала готовить ужин, затем занялась работой по дому, прислушиваясь к его ровному дыханию. Ей было беспокойно, она была сама не своя, но раз в дом приехала Мэдлин, этого следовало ожидать. Ноги сами понесли ее наверх, чтобы убраться в комнатах постояльцев.

Киф О’Дрисколл относился к своим вещам небрежно, хотя и не доводил это до крайности. Что ж, от молодого человека следует ожидать подобной неаккуратности. Фрэнсин улыбнулась. Пожалуй, в царящем в его комнате беспорядке есть что-то детское. Киф, решила она, – это маргаритка; он неискушен и прост, как дитя. Отметив про себя, что надо будет поставить в его комнате маргаритки, Фрэнсин поспешила в комнату мистера Констейбла.

Она порадовалась тому, что мистер Констейбл, судя по всему, человек опрятный и, похоже, каждое утро застилает свою кровать; что до немногочисленных предметов его одежды, то они были аккуратно сложены в гардеробе. Фрэнсин удивилась тому, что он уже наложил на комнату отпечаток своей личности, расставив по ней семейные фотографии в рамках. Миссис

Констейбл была довольно красивой женщиной; во всяком случае, Фрэнсин предположила, что женщина на фотографии – это его жена. На этом фото они вместе смеялись – безыскусное, оно, видимо, было сделано, когда они не знали, что их снимают. На нескольких других фотографиях были запечатлены две девочки, которые могли быть только его дочерьми. А на прикроватной тумбочке рядом с фото жены стоял групповой семейный снимок. Эти фото говорили о том, что члены его семьи любят друг друга, что они не просто связаны чувством семейного долга, а питают друг к другу искреннее расположение.

Прежде чем выйти из комнаты, Фрэнсин в последний раз огляделась по сторонам. Здесь чувствовались заботливость, преданность родным и... терпение. Пожалуй, из всех цветов лучше всего мистеру Констейблу подходит астильба. Она видела несколько стеблей астильбы возле сарая – надо будет срезать их и поставить в его комнате.

Закончив убирать спальни, Фрэнсин подмела длинный коридор, идущий вдоль всего дома и высокопарно именуемый Нижней галереей. Стены здесь были увешаны портретами предков Туэйтов, старыми, закопченными, потрескавшимися; их имена значились на нижних частях рам, выведенные напыщенными золотыми буквами. Фрэнсин редко смотрела на эти портреты; они были частью обстановки дома, и она принимала их как данность.

Обычно Фрэнсин вела себя терпеливо, но только не в этот вечер, когда она ждала, чтобы Мэдлин проснулась. Ей очень хотелось заглянуть в комнату сестры, но Фрэнсин удержалась от искушения. Хотя их и связывали кровные узы, она не могла вот так запросто зайти к ней. Вместо этого уселась на один из старых стульев, стоящих в Нижней галерее, с которого открывался вид на весь коридор западного крыла, и стала ждать.

В доме слышалось тихое тиканье часов, он ожидал вместе с ней. Она всегда считала, что ее дом обладает своей собственной индивидуальностью, тактичной, но внимательной к тем, кто жил в нем прежде. Живые не помнили их, но сам дом их не забыл, и это утешало. Однако, хотя дом, казалось, продолжал оставаться внимательным и бодрым, его пронизывали напряжение и нервозность, в его воздухе чувствовалось некое раздражение, странная тревога, которая струилась по галерее и отражалась на угрюмых лицах предков Фрэнсин, глядящих на нее.

Она не услышала, как отворилась дверь спальни Мэдлин, а потом уже стало поздно. Фрэнсин вскочила со стула и с недостойной торопливостью сбежала по лестнице вниз, затем вбежала в кухню, где бросилась к плите, как будто она возилась здесь все время, пока в кухню не зашла Мэдлин.

– Ты права, – без прелюдий начала та. – Я действительно приехала домой не без причины. Фрэнсин отвернулась от плиты, ожидая, когда сестра продолжит.

– Я хотела приехать и раньше, но мы узнали об этом только незадолго до того, как у Джонатана диагностировали рак, а потом... – Мэдлин неопределенно махнула рукой, чтобы выразить всю огромность своего горя.

– Узнали о чем?

– Думаю, тебе лучше сесть.

Фрэнсин едва не рявкнула, что она вполне может и постоять, но что-то в тоне сестры заставило ее сесть.

– Ну и в чем дело? – спросила она, когда Мэдлин медленно опустилась на стул и положила перед ней на стол тоненькую папку, которую немедля принялась теревить.

Не поднимая глаз, она сказала:

– Мама обманула нас. – И вскинула ладонь, когда Фрэнсин в негодовании широко раскрыла глаза. – Просто послушай меня, – быстро проговорила она. – Когда я только что познакомилась с Джонатаном, он много говорил об изучении семейных историй и все такое. Он был изумлен тем, что я так мало знаю о моей семье, несмотря на то, что я выросла среди всего этого. – Мэдлин неопределенно махнула рукой. – Он начал изучать историю нашей семьи, и

я тоже ею заинтересовалась, ведь есть нечто захватывающее в историях тех людей, которые и сделали нас тем, что мы есть. Я всегда считала, что история нашей семьи окажется скучной, но у нас есть тайна, Фрэнни, темная ужасная тайна. – Она подалась вперед, ее глаза возбужденно блеснули. – Нас у мамы было не две, как она всегда говорила. У нас имелись четыре сестры и брат.

Эти слова почти что прошли мимо сознания Фрэнсин, потому что в ее строго упорядоченной жизни они показались ей лишены смысла.

– Этого не может быть. – Она покачала головой, сжав губы и чувствуя стеснение в груди. – Ты лжешь!

– С какой стати мне лгать?

– Тогда солгал этот твой идиот-муж. Либо речь шла не о нашей семье, либо он просто все это выдумал. Нас всегда было только трое – мы с тобой и наша мама. Отец умер, и больше у нас никого не было. Мама сказала бы нам. Она сказала бы мне! – последние ее слова прозвучали как жалобное причитание.

– Мне очень жаль, Фрэн, но это правда. – Мэдлин сделала паузу, настороженно глядя на сестру. – Ты когда-нибудь думала о том, откуда взялась Бри?

– Конечно! Я пыталась... – Фрэнсин пожала плечами, не желая объяснять ни свое любопытство, ни свои попытки выяснить, откуда взялась эта девочка-призрак. – Она всегда была здесь. Она просто привязана к нашему дому.

– Нет, Фрэнни. Она умерла пятьдесят лет назад... Она была нашей сестрой.

Грудь Фрэнсин сдавила тревога, сдавила так, что она едва могла дышать. Она посмотрела в открытую дверь на дуб, голые ветви которого качались над колодцем, хотя во дворе не было ни малейшего ветерка.

Повернувшись к Мэдлин, она начала искать признаки того, что сестра лжет. Та никогда не умела убедительно врать. Но сейчас ее щеки не покраснели, и она не старалась смотреть Фрэнсин в глаза, как обычно делала, когда врала.

Испытывая головокружение и чувствуя, что она не вынесет этого сочувствия, написанного на лице сестры, Фрэнсин уставилась на стол.

– Расскажи мне, – прошептала она, сглотнув ком в горле.

– Будет проще, если ты увидишь это сама. – Мэдлин открыла тоненькую папку и по столу пододвинула к Фрэнсин несколько листков бумаги. – Все мы были зарегистрированы в Церкви Святого Сердца в Конистоне. Но я не помню, чтобы мы когда-либо ходили туда, а ты?

Фрэнсин покачала головой, хотя это не удивило ее, ведь мать никогда не имела склонности к официальной религии.

Наконец она выдохнула воздух, скопившийся в ее груди, и глянула на выделенные желтым маркером имена на ксерокопиях страниц метрической книги, выведенные старомодным почерком. Наверху каждой страницы значилось:

Рождения, зарегистрированные в приходе Конистон графства Камбрия

30 сентября 1961 года, Бри Элизабет, Туэйт-мэнор, сельская община Хоксхеда, пол женский. Отец – Джордж Роберт Туэйт, мать – Элинор Мэйбл Туэйт.

13 августа 1962 года, Агнес Ида, Туэйт-мэнор, сельская община Хоксхеда, пол женский. Отец – Джордж Роберт Туэйт, мать – Элинор Мэйбл Туэйт.

21 декабря 1963 года, Фрэнсин Лиллиан, Туэйт-мэнор, сельская община Хоксхеда, пол женский. Отец – Джордж Роберт Туэйт, мать – Элинор Мэйбл Туэйт.

16 сентября 1964 года, Виола Клементина, Туэйт-мэнор, сельская община Хоксхеда, пол женский. Отец – Джордж Роберт Туэйт, мать – Элинор Мэйбл Туэйт.

1 апреля 1966 года, Розина Сильвия, Туэйт-мэнор, сельская община Хоксхеда, пол женский. Отец – Джордж Роберт Туэйт, мать – Элинор Мэйбл Туэйт.

26 января 1968 года, Мэдлин Беатрикс, Туэйт-мэнор, сельская община Хоксхеда, пол женский. Отец – Джордж Роберт Туэйт, мать – Элинор Мэйбл Туэйт.

19 ноября 1968 года, Монтгомери Джордж, Туэйт-мэнор, сельская община Хоксхеда, пол мужской. Отец – Джордж Роберт Туэйт, мать – Элинор Мэйбл Туэйт.

Фрэнсин читала эти имена опять и опять, качая головой... Бри. Агнес. Виола. Розина. Монтгомери... Она не помнила этих имен, кроме Бри, да и это было просто имя, которое она придумала, когда была ребенком. Но это вовсе не значит, что ее маленький призрак и есть та самая Бри. Она не ощутила потрясения от внезапно пришедшего узнавания или от пробудившегося воспоминания, хотя должна была бы что-то почувствовать, ведь, судя по датам их рождения, они все родились друг за другом и наверняка вместе росли.

– Должно быть, они родились мертвыми, – сказала она, радуясь тому, что нашла этому логическое объяснение.

– Для мертворожденных детей есть отдельная книга, – ответила Мэдлин, говоря тихо, как будто, повысив голос, она могла нанести Фрэнсин непоправимый удар. – И у меня есть записи о наших крещениях, тоже в Конистоне. – Она пододвинула к Фрэнсин еще два листка бумаги. – Это единственные записи актов о смерти. – Она беззвучно плакала.

У Фрэнсин сжалось горло. Сперва она не касалась этих страниц, а только в ужасе смотрела на них. Ее руки дрожали, когда она наконец взяла их и прочла простые слова, допускающие только одно толкование. 26 июля 1969 года была зарегистрирована смерть от утопления Бри Элизабет Туэйт и Монтгомери Джорджа Туэйта. Самой старшей и самого младшего из детей семейства Туэйт.

– Они оба утонули, – отрешенно проговорила Фрэнсин. – Как и отец.

Но Мэдлин качала головой.

– Мать солгала нам и об этом. Записи акта о его смерти нигде нет.

Фрэнсин похолодела.

– Отец умер, – твердо произнесла она. – Он утонул в озере Эстуэйт, возвращаясь из паба, когда ты была совсем малышкой. Мама говорила нам...

– Этого несчастного случая не было, Фрэнсин! Мама нам солгала.

Она покачала головой; все ее существо не желало верить тому, что сказала сестра.

– Тогда что же с ним произошло? У тебя есть все ответы, вот и скажи мне, что с ним случилось!

– Я не могу. Возможно, он умер, но это случилось не здесь. Иначе акт о его смерти был бы записан в метрической книге. Я не знаю, что с ним случилось.

В глубине существа Фрэнсин зародилось семя смятения и пустило побеги, охватившие все ее тело, пока у нее не выступила гусиная кожа. Она не хотела слушать дальше. Она обожала мать, единственного человека, которому она безоглядно верила, который всегда поддерживал ее.

– Зачем маме было лгать нам о смерти нашего отца?

– Не знаю, Фрэнсин! – ответила Мэдлин, раздосадованная упрямым нежеланием сестры принять правду. Затем глубоко вдохнула через нос и продолжила уже более спокойным

тоном: – Я думала, что ты, возможно, что-нибудь помнишь. Тебе же было уже пять лет, когда Монтгомери и Бри утонули.

Фрэнсин покачала головой.

– Выходит, ты ничего не помнишь?

– Нет. Я определенно не помню никаких братьев и сестер, кроме тебя, и я бы запомнила Бри. – К ее глазам подступили слезы. – Бри была нашей сестрой, а я ее не помню!

Мэдлин протянула было руку, чтобы утешить ее, но, когда Фрэнсин не отреагировала на ее жест, убрала ее.

– Я знала, что это станет для тебя ударом. Думаю, когда Бри была жива, вы с ней были близки. Наверное, именно поэтому ты и... – Она запнулась, затем продолжила: – Именно поэтому ты и запомнила ее таким образом, в качестве твоей воображаемой подружки.

Фрэнсин проигнорировала ее сомнительный намек на то, что Бри есть всего-навсего вымысел, порожденный ее полузабытым воспоминанием.

– А что случилось с остальными нашими сестрами? – спросила она, и ее голос прозвучал хрипло от сдерживаемых эмоций.

Агнес. Виола. Розина. Эти имена были ей не знакомы, однако теперь, когда они запечатлелись в ее сознании, ей казалось, что, быть может, в ее памяти остался какой-то отдаленный отголосок воспоминания, неясный, как тень облака. Она наморщила лоб, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь о своем раннем детстве. Но так ничего и не вспомнила. Ни единого воспоминания, за которое можно бы было ухватиться. Она не могла вспомнить Бри, а ведь Бри была с ней всегда...

Мэдлин покачала головой.

– Я не смогла выяснить, что с ними случилось. Единственное упоминание о них – это записи актов об их рождении и крещении. Больше ничего нет.

Фрэнсин сидела совершенно неподвижно, но мысли ее лихорадочно металась – она пыталась осмыслить то, что узнала, но у нее ничего не выходило. Это было слишком неожиданно, слишком разрушительно.

– Как давно ты это узнала?

Мэдлин неловко заерзала на стуле.

– Несколько месяцев назад, – призналась она.

Фрэнсин ошарашенно уставилась на сестру.

– Почему же ты ничего не сказала мне раньше?

Мэдлин замялась, затем ответила:

– Потому что я знала, что ты отреагируешь на это именно так. По правде говоря, я даже не была уверена, что ты мне поверишь.

– Вздор! Тебе просто не хотелось отрываться от той беспорядочной жизни, которую ты ведешь в Лондоне!

Еще одна пауза, затем Мэдлин кивнула.

– Да, отчасти так оно и было, – согласилась она. И, обведя взглядом кухню, вздрогнула. – Я знаю, тебе нравится здесь жить, а мне тут все всегда было ненавистно. Но я в самом деле собиралась приехать и рассказать тебе, однако тут Джонатан заболел.

Смягчившись, Фрэнсин принужденно кивнула, но все же не удержалась и сказала:

– Ты могла бы позвонить мне или написать.

– Не выдумывай, Фрэнни. Такие вещи нельзя сообщать по телефону или в письме.

К горлу Фрэнсин подступили слезы. Нет, она не может и не станет плакать перед сестрой. Она резко встала и бросилась к двери, ведущей во двор.

– Я видела их могилы, – добавила Мэдлин.

Фрэнсин замерла на пороге.

– Что?

На лице Мэдлин было написано удивление, как будто ее только что осенило.

– Я говорю о могилах Бри и Монтгомери. Они похоронены на нашем кладбище. В отличие от тебя, я не боялась его и гуляла там, когда была маленькой. Я помню, что видела их имена на надгробиях, но тогда они ничего для меня не значили.

Фрэнсин кивнула, хотя сама она не имела ни малейшего желания заходить на кладбище, и торопливо подошла к дубу во дворе.

– Бри! – пронзительно позвала она.

Голые ветки чуть слышно зашелестели.

– Бри, пожалуйста, спустись. – Она сглотнула, не зная, как ей сказать маленькому призраку, что теперь она знает, что они сестры, но ничего не помнит о том времени, когда Бри была жива.

Фрэнсин прождала под дубом не менее пяти минут. Бри так и не спустилась, но Фрэнсин знала – она находится там и наблюдает.

26 июля 1969 года

Бри крадучись спускалась по лестнице, отлично зная, что сейчас она должна находиться в саду с сестрами и маленьким братиком. Она остановилась на лестничной площадке и склонила голову набок, напрягая слух.

Под ней перед парадной дверью простирался вестибюль, сумрачный и темный, со стенами, обшитыми деревянными панелями и висящими на них потемневшими и потрескавшимися от времени портретами предков Туэйтов, которые наверняка никогда в жизни не занимались ничем интересным.

Удостоверившись, что в доме никого нет, она тихонько спустилась по последним нескольким ступенькам и заглянула в главную гостиную. Ее ноздри дрогнули от запаха табачного дыма, который висел в воздухе комнаты, похожий на голубоватую мглу. Хотя сам по себе этот запах и не был неприятным, неприятными были те ассоциации, которые он вызывал – тот неизгладимый отпечаток, который Он наложил и на эту комнату, и на весь дом.

Чувствуя, как от прилива адреналина, вызванного ее дерзостью, у нее кружится голова, Бри остановилась на пороге – ее внимание привлекло движение за окном, где сестры и мама восстанавливали зеленые скамьи и лужайку.

Это должно было быть чудесной картиной, но только не для Бри. Она видела лишь затаенную нервозность, чувствующуюся в каждом движении их голов, в каждом взгляде, который они бросали на дом. Все ждали того момента, когда Он выйдет на тропинку, идущую через лес и ведущую в Хоксхед, и когда все, даже сам дом, смогут вздохнуть с облегчением.

Агнес, которая была всего на год младше самой Бри, стояла рядом с мамой, стоящей на коленях перед одной из зеленых скамей. Одной рукой она прижимала к груди свою бело-синюю собаку, а другой тыкала воздух. Бри сощурила глаза. Не нужно слышать Агнес, чтобы понять – она пытается указать маме, что где сажать, а мама не обращает на нее внимания, продолжая терпеливо молчать. Но даже сейчас, когда она тицится командовать, худые плечи Агнес напряжены, и она то и дело зыркает то туда, то сюда, всегда в страхе ожидая, что Он заорет, застучав ее, и стараясь придумать какую-нибудь отмазку, чтобы избежать трепки.

Мэдди, вечно плачущая, вечно приставучая, держалась за мамину юбку; ее лицо с большими зелеными глазами было сморщено в плаче, хотя оно у нее всегда оставалось затравленным, даже тогда, когда она радовалась. Но за ее полтора года ей нечасто доводилось испытывать радость.

Послышался громкий смех – и вместе с пылинками заплясал в солнечном свете, любуемся в комнату через закрытое окно. Бри улыбнулась – трудно удержаться от улыбки, когда Роза смеется. У нее был грудной смех, какого не ожидаешь услышать у трехлетней девочки. Это был один из самых радостных звуков в жизни Бри. Роза упала лицом вниз, но, в отличие от других детей, которые на ее месте разревелись бы, только расхохоталась, да так, что у нее началась икота. Она встала, икнула и тут же упала на задницу, что только вызвало у нее приступ еще более веселого смеха.

На помощь Розы пришла только Виола. Всего на год старше, чем Роза, Виола была самой тихой и самой мечтательной из них, той, кто дает, а не берет, той, кто заботится о других и никогда ничего не просит для себя самой.

Взгляд Бри переместился на ее любимицу Инжирку, сидящую рядом с Монти, который, расставив ножки, качался на подвешенном, как гамак, одеяле, держа в ручках красный трактор и то поднося его к лицу, то отодвигая, замороженный тем, как в зависимости от расстояния на нем по-разному играет свет. Инжирка недовольно смотрела на братика – надо думать, мама велела ей присматривать за ним.

Почувствовав, что за ней наблюдают, Инжирка подняла глаза, посмотрела на дом, и на ее лице отразилось беспокойство, после чего она снова начала с недовольным видом следить за Монти.

Оторвав взгляд от света летнего солнца, которым она тоже обязательно насладится, когда сделает то, что ей нужно, Бри заметила кошелек, лежащий на маленьком столике рядом с Его креслом. Она возьмет немного, чтобы прибавить к тому, что стащила раньше, немного, чтобы Он ничего не заметил, но все же не слишком уж мало, чтобы не обесценить риск, на который идет, – ведь если ее поймают, последствия будут ужасны. Пожалуй, на этот раз надо взять три шиллинга. Да, три шиллинга – это в самый раз.

Бри проскользнула в комнату на цыпочках, стараясь не наступить на скрипучую половицу. Открыть кошелек было секундным делом... После чего она удивленно замерла. Ей никогда не доводилось видеть столько денег – кошелек распух от пачки фунтовых банкнот. А между тем прежде у Него в кошельке бывали только монеты.

Из вестибюля донесся скрип.

Голова Бри крутанулась так резко, что длинные косы ударили ее по лицу. Держа кошелек за спиной, она посмотрела в темный вестибюль, чувствуя, что сердце у нее колотится быстро-быстро.

Купюры были гладкими. Бри ощупью достала из пачки несколько штук, затем беззвучно застегнула кошелек и положила его обратно на стол. Затем на цыпочках подошла к двери, чтобы осмотреть вестибюль.

Здесь все было неподвижно – в потемках даже не был виден пляс пылинок. Бри стояла у двери, напряженная и готовая броситься наутек.

Прищурясь, она оглядела ту часть вестибюля, которую можно было увидеть из дверного проема, затем посмотрела на лестницу, слыша, как в ушах у нее ревет кровь, и нахмурилась. Может, это такая игра? Хотя на Него это не похоже. Обычно Он действовал более прямолинейно, угрожая и ставя синяки. Но тут точно кто-то есть, она это чувствовала, как будто кто-то притаился, стараясь дышать тихо-тихо, чтобы его не нашли.

Нахмурившись еще больше, Бри крадучись вышла из главной гостиной и двинулась вдоль обшитой панелями стены вестибюля, вглядываясь в каждый темный уголок, в каждое пятно на стене, похожее очертаниями на человеческую фигуру, в каждую трещину и щель. Старинные дома тем хороши, что в них полно неожиданных закоулков, комнат, где можно спрятаться, и длинных коридоров, по которым ты, если у тебя есть быстрые молодые ноги, можешь убежать. Но ведь в этих закоулках может спрятаться и тот, кто поджидает тебя, чтобы напасть...

Чувствуя, что от страха у нее не гнется шея, Бри наконец вбежала в тепло залитой солнцем кухни. Здесь она засунула украденные купюры в карман платья и заторопилась мимо огромного стола, стоящего в середине.

Затем остановилась и схватила две горсти крошечных кексиков, остывающих на противнях. Они были еще теплые и пахли имбирем. Чувствуя себя виноватой, поскольку мама наверняка обвинит в их пропаже Инжирку, ведь та ужасно любит имбирь, Бри сунула кексики в карманы, к лежащим там купюрам. Затем, в последний раз оглянувшись на безмолвный дом, выбежала во двор.

После сумрака вестибюля солнечный свет был особенно приятен. Бри вбежала в сад и только здесь заставила себя перейти на шаг. Заметив ее, Агнес насупилась, напустив на себя этот свой противный понимающий вид.

Придав себе видимость беззаботности, Бри приблизилась к Инжирке и Монти, ступая по пружинящей ромашковой лужайке, похожей на пушистый ковер и при каждом шаге испускающей запах битых яблок.

Увидев Бри, Монти радостно загукал. Он был веселым ребенком, да и как могло быть иначе? Он будет баловнем судьбы, ведь он желанный сын, а не еще одна дочь, достойная только презрения.

– Где ты была? – прошептала Инжирка; при виде сестры гримаса беспокойства исчезла с ее веснушчатого лица.

Бри прижала палец к губам и округлила глаза, давая понять, что это большой секрет, который она может сообщить Инжирке только тогда, когда они окажутся одни в своем тайном убежище. Затем уселась и подставила лицо солнцу, чтобы его тепло изгнало из ее сердца ту холодную тревогу, которую она чувствовала в доме. Теперь она могла упиваться своим бесстрашием – как-никак ей хватило духу стащить больше денег, чем она держала в руках когда-либо прежде.

К ней подбежала Виола и с криком: «Смотри, что я сделала!» – всунула ей в руки венок из маргариток.

– Это тебе, Бри. Я сплела его для тебя, – захлебываясь, добавила она.

Радуюсь этому переключению внимания, Бри надела венок на голову.

– Теперь я твоя принцесса, – важно изрекла она. – И ты должна будешь делать то, что я тебе повелю.

– Ты не можешь быть принцессой, если на тебе венок из маргариток, – заметила Инжирка. – Это должны быть астры, цветы королей и королев. Так сказала мама.

У Виолы вытянулось лицо.

– Извини, – прошептала она. – Я сплету другой венок, из астр.

Сердито посмотрев на Инжирку, Бри сказала:

– Не надо! Ведь астры у нас лиловые, а мне не нравится этот цвет. К тому же маргаритки предназначены для детей, а я и есть ребенок. Так что я буду маленькой принцессой. А теперь... – Она задумчиво огляделась.

У Виолы радостно округлились глаза – ведь, похоже, сейчас они будут играть. Бри умела придумать игру из любого пустяка, и такая игра могла длиться часами.

– Сбегай на кладбище и нарви мне асфодели.

– Да, ваше величество, – ответила Виола и, сделав кособокий реверанс, пустилась бежать по лужайке, заправив юбку в трусики, как это делала сама Бри, чтобы сподручнее было бегать.

Как только Виола отбежала достаточно далеко, Бри быстро огляделась, чтобы убедиться, что остальные тоже не могут ее услышать, и прошептала:

– Ты Его видела? В доме Его не было.

Инжирка покачала головой.

– Я следила за тропинкой, как ты мне сказала. Он не выходил.

По спине Бри пробежал опасливый холодок.

– В Его комнате Его не было. Я проверяла.

– Ты уверена, Бри? Если Он застучает тебя...

Хотя она нервничала, как перепуганный заяц, Бри сделала то, что делала всегда. Она улыбнулась, поглядев на встревоженное лицо Инжирки, и взяла ее за руку, всегда готовая защитить, всегда готовая успокоить.

– Все будет хорошо, все будет в порядке, – соврала она так убедительно, что почти поверила себе.

Глава 7

Фрэнсин быстро и остервенело шагала по лесу Лоунхау, похожему на зелено-золотой ковер там, где сквозь ветви деревьев в него проникали лучи предвечернего солнца.

Это какой-то жестокий розыгрыш. Ведь записи актов обо всех этих рождениях и смертях могут быть поддельными. Не может быть, чтобы она забыла такую важнейшую часть жизни, как наличие четырех сестер и брата. Не может быть, чтобы она могла забыть Бри, живую или мертвую.

Вот только Мэдлин отнюдь не жестока. Она легкомысленна, эгоцентрична и назойлива, но никогда не была жестокой. И как бы Фрэнсин ни хотелось верить в обратное, она знала – Мэдлин не солгала... Солгала мать.

Это был сокрушительный удар по всем устоявшимся представлениям Фрэнсин. Она остановилась посреди тропинки и схватилась за живот, который свел спазм ужаса.

Хотя к ее горлу опять подступили слезы, она не позволит им потечь. Выпрямившись, она застыла, пытаясь вспомнить хоть что-то из своего раннего детства, что-то такое, что подкрепило бы слова Мэдлин. Но в ее памяти так и не всплыло ни единое воспоминание, как будто она появилась на свет, уже полностью сформировавшись, в возрасте пяти лет.

Фрэнсин пришло в голову только одно – то, что она никогда не думала о своем отце, безоговорочно поверив тому, что ей говорила мать: он будто бы утонул. Она не помнила, как он выглядел, даже смутно, не помнила, как от него пахло. И в доме не было ни одной его фотографии. Как и семейных фотографий.

Сгущались сумерки, удлинялись тени, а Фрэнсин все продолжала стоять, погружившись в свои мысли. Это пришло к ней не сразу, скорее не воспоминание, а ощущение атмосферы – какое-то напряжение, настороженность, подспудное возбуждение, давнее и потому приглушенное. Но откуда оно взялось? Этого она не знала.

Может, это чувство передалось ей от матери? Нет, определенно не от нее. Тогда, может, от отца? Мать говорила о нем только тогда, когда ее спрашивала Мэдлин – такие вопросы ей всегда задавала Мэдлин, но не Фрэнсин.

Она зарычала, злясь на себя, не зная, действительно ли помнит это, или же это порождено ее воображением, потому что она сама не своя.

Фрэнсин шла, ничего не замечая вокруг; сумерки сменились темнотой, дневные птицы угомонились, и из своих нор и гнезд выбрались ночные существа. Природа никогда не молчала, лес всегда был полон звуков, издаваемых зверями и птицами, как хищниками, так и теми, кого эти хищники едят.

Испуганно ахнув, Фрэнсин остановилась как вкопанная и резко вынырнула из своих мрачных мыслей, уставясь на здание, высящееся перед ней, словно безобразный гнойник. От покойницкой тропы веяло древней жутью, но в лесу имелись и другие места, обладающие не менее жуткой аурой, проникнутой злом – злом, порожденным людьми и намного более свежим.

Окруженная огромными древними дубами и буками, здесь стояла «Образцовая лечебница для душевнобольных преступников», как гордо гласила надпись над огромными каменными столбами ворот. Это было блистательно-безобразное сооружение с украшениями в виде каменных львов, грифонов, драконов и гигантских орлов, как будто архитектор так и не смог решить, какие чудовища лучше всего защитят окружающий мир от тех, кого держали здесь взаперти.

Фрэнсин всегда терпеть не могла старую лечебницу. Это заведение было ответом Северной Англии на лондонский Бедлам и в свое время имело такую же дурную славу, к которой примешивался ореол таинственности, поскольку его местоположение в общем и целом держалось в секрете. И Фрэнсин считала, что оно должно и дальше оставаться в секрете. Но когда-то это

здание было роскошной резиденцией, построенной одним из ее предков, хотя и не такой старой, как Туэйт-мэнор. Согласно «Хроникам Туэйтов», в восемнадцатом веке оно было отдано правительству в долгосрочную аренду, однако, когда в 1980-х годах договор об аренде истек, мать Фрэнсин отказалась продлить его. И с тех пор это ужасное место мало-помалу отвоевал лес. В детстве Фрэнсин никогда не заходила сюда, притом безо всяких предостережений, и теперь сюда тоже никто не заглядывал, разве что какой-нибудь подросток из Хоксхеда решал, что будет прикольно провести ночь в этом здании, где, как считали местные жители, водятся привидения.

Она повернулась, чувствуя, как по ее коже бегают мурашки; хотелось поскорее убраться отсюда. Ей казалось, что она слышит вопли тех, кто когда-то был здесь заточен, хотя, проходя по этой тропинке, она никогда не видела здесь ни одной души, ни живой, ни неживой.

Фрэнсин остановилась, когда между деревьями показались огни Туэйт-мэнор. Это была путеводная звезда, влекущая ее к себе, ее прибежище, теплое и приветное. Но даже ее любимому дому было не под силу распутать узел необъяснимого страха.

Фрэнсин заставила себя посмотреть в сторону кладбища.

В сумраке у него был особенно угрожающий вид. В нем, опоясанном кованой узорной оградой, не было симметрии, не было четких аккуратных линий. Рассыпающиеся надгробия над останками Туэйтов, которых хоронили здесь пять сотен лет, заросли сорняками, над ними низко склонились старые деревья.

Сжав кулаки, с ладонями, вспотевшими от одной мысли о том, чтобы зайти на это кладбище, Фрэнсин закрыла глаза. Она не смогла заставить себя войти в калитку даже тогда, когда умерла мать. Но ненавидела она его именно из-за матери, потому что только там видела, как та плачет.

Фрэнсин разжала кулаки. На ладонях остались полукруглые отметины там, где коротко подстриженные практичные ноги впивались в плоть.

Ей нужно подтверждение. Нужно нечто более существенное, чем несколько ксерокопий страниц приходской книги записи актов гражданского состояния. Она могла бы это сделать... ради Бри.

Фрэнсин двинулась по дорожке, идущей к дому, затем, подойдя к развилке, остановилась опять. Правое ее ответвление вело к теплу дома, а левое – к ужасу кладбища и ответам.

В голову бросилась кровь, и этот прилив был таким резким, что ей показалось, что сейчас она лишится чувств. Фрэнсин опять закрыла глаза и, не открывая их, повернула налево.

Глубокий вдох... и ее глаза открылись.

Если она пройдет в эту ржавую калитку, ее устоявшаяся жизнь изменится навсегда. Фрэнсин сделала один шаг вперед, потом другой, третий, пока не остановилась перед калиткой.

За кладбищем не ухаживали уже тридцать лет, с тех самых пор как умерла мать. Та всегда ухаживала за могилами, даже за теми, которые были так стары, что имена на надгробных камнях давно стерлись.

Фрэнсин положила ладонь на щеколду, и холодный металл впился в ее кожу. Она развернулась и побежала по дорожке к дому, пробежала по двору и, вбежав в кухню, захлопнула за собой дверь.

И прислонилась к ней, чувствуя, что ее сердце колотится так, что, кажется, вот-вот разорвется. Ее кожа была холодной, и все же она так вспотела, будто ее трепала лихорадка.

Мало-помалу до нее дошло, что на нее смотрят три пары глаз.

Фрэнсин выпрямилась и, попытавшись вернуть себе достоинство, насколько это вообще было возможно после того, как она ввалилась в дом так несолидно, сказала:

– Добрый вечер.

Она скованно прошла через кухню и поднялась по лестнице в свою спальню, где только и могла найти прибежище. Здесь быстро приготовилась отойти ко сну, несмотря на ранний

час, и, легши в холодную постель, уставилась в потолок. Дом, затаившись, смотрел на нее, безмолвный, душный и напряженный.

Бри так и не пришла.

Вокруг слышались тихие ночные звуки – вот кто-то задвинул шторы, вот кто-то скребет плинтус, вот скрипит дверь ванной, открывающаяся, хотя этому нет очевидных причин.

Фрэнсин ждала долго, отчаянно желая вновь увидеть своих призрачных друзей. Ей были необходимы их присутствие, их верность, успокоение, которое они всегда приносили ей. Они всегда приходили к ней по ночам, когда все затихало, это происходило даже тогда, когда в доме присутствовала Мэдлин.

Но время шло, а Тибблз так и не запрыгнула на ее кровать, сквозь стену не прошел мужчина в цилиндре, и беременная женщина так и не села у окна, ожидая маленького сына.

Призраки Фрэнсин покинули ее.

* * *

Когда Фрэнсин проснулась, в окно лился свет. Было позднее утро. Испытывая чувство вины – ведь прежде всегда вставала рано, – она вскочила с постели и оделась.

На первом этаже стояла тишина. В вестибюле было сумрачно и тихо, если не считать тиканья стоящих в главной гостиной старинных напольных часов. В сумраке чувствовался запах табачного дыма, но он был так слаб и неуловим, что Фрэнсин решила, что он только чудится ей.

Напрягшись и склонив голову набок, она прислушивалась к непрерывному тиканью напольных часов и пыталась уловить другие звуки, издаваемые домом. Но все остальные фоновые звуки затихли, слышалось только медленное *тик-так... тик-так...* Прежде она всегда чувствовала свое особое родство с атмосферой Туэйт-мэнор, и иногда ей казалось, что она с точностью барометра угадывает его настроения.

И сегодня ей казалось, что ее дом стал сам не свой.

Выкинув из головы странные мысли, Фрэнсин проворно спустилась на кухню. Все здесь было в порядке. Нигде не было видно следов присутствия Мэдлин, и, надо думать, Констейбл и его подмастерье уже давным-давно отправились в Хоксхед, чтобы работать на строительстве нового отеля. Она взяла бутылку с притертой пробкой, которую вчера оставила на буфете, и мрачно улыбнулась. Ей надо кое с кем поговорить.

Одной рукой сжимая бутылку, а в другой держа семена фенхеля, Фрэнсин двинулась по лесу Лоунхау, не обращая внимания на безмолвных призраков, стоящих вдоль покойницкой дороги. Она настолько ушла в свои мысли, что, лишь повернув на развилке в сторону Колтхауса, осознала, что на этот раз Алфи, самый младший из призраков, которые обычно попадались ей в лесу, так и не преградил ей дорогу.

Погода нынче была под стать ее настроению – день выдался пасмурным, угрюмым: один из тех дней, когда тебе кажется, что солнце никогда не засияет вновь, когда идет непрерывный морозящий дождь, из-за которого волосы становятся кучерявыми, а в воздухе чувствуется противная сырость.

Она постучала в дверь мисс Кэвендиш, и внутри послышалось шарканье.

– Фрэн! – воскликнула мисс Кэвендиш, и на ее лице отразилось радостное удивление, но оно сразу же погасло, когда та увидела напряжение во взгляде гостьи. – Что стряслось? – спросила она, посторонившись, чтобы Фрэнсин могла войти.

В маленькой гостиной Фрэнсин повернулась к старой даме, но не села, когда мисс Кэвендиш махнула рукой. Ей было необходимо остаться стоять, чтобы контролировать разговор.

Безо всяких предисловий она начала:

– Ко мне приехала Мэдлин. – Сделала паузу, сглотнула и покачала головой. – Она сказала мне... сказала мне, что... Бри... – последнее слово Фрэнсин произнесла шепотом, потому что теперь, в такой знакомой ей гостиной мисс Кэвендиш, не могла продолжать.

– Сядь, Фрэн, – тихо сказала мисс Кэвендиш.

Фрэнсин села на край стула и повернулась к старой даме. На лице мисс Кэвендиш читалось сочувствие, от которого ей стало не по себе.

– Что Мэдди сказала тебе?

– Что нас было семеро. Она показала мне записи о нашем рождении и, – Фрэнсин всхлипла, – две записи о смерти. А я и не знала, что Бри была моей сестрой... Она была моей сестрой, а я забыла ее!

– Ах, вот оно что... – Мисс Кэвендиш откинулась на спинку кресла. – Значит, ты действительно ничего не помнишь? – спросила она, помолчав.

– Нет... Что же с ними произошло? В записях о смерти говорится только одно – что Бри и Монтгомери утонули. И больше ничего. Никаких упоминаний об остальных моих сестрах, и Мэдлин говорит, что мать нам солгала, что отец вовсе не утонул в озере Эстуэйт, и что здесь о его смерти вообще нет никаких сведений, – произнесла она так быстро, что ее слова слились воедино. – Мне необходимо узнать, что именно произошло с Бри.

Мисс Кэвендиш посмотрела в окно на обложной морозящий дождь, затем со вздохом сказала:

– Об этом нелегко говорить, но я скажу тебе, что знаю, а не то, о чем тогда ходили слухи. – На ее морщинистом лице отразилась печаль. – Бри и Монти утонули в том колодце во дворе вашего дома около пятидесяти лет назад. И в ту же ночь Джордж – ваш отец – сбежал, забрав с собой остальных твоих маленьких сестер. Это то, что мне известно. Больше я ничего не знаю.

Фрэнсин пробрала дрожь. Она всегда ненавидела этот колодец во дворе.

– И это все? Все, что вам известно?

Мисс Кэвендиш молчала так долго, что Фрэнсин начала думать, что она уже не ответит. Когда та заговорила снова, в голосе ее звучала печаль.

– Никто не знает, что именно произошло в ту ночь... Это знала только твоя мать, а она предпочла молчать. Я была самой близкой ее подругой, но даже мне она никогда не рассказывала об этом. Никогда не упоминала ни о Бри, ни о Монти, ни о других дочерях, никогда вообще не говорила об этой трагедии. Даже когда ты начала вести разговоры о Бри, как будто та рядом с тобой, что сильно пугало меня. Я пыталась поговорить об этом с Элинон, но она всякий раз отвечала, что лучше оставить тебя в покое, если тебя утешает уверенность в том, что Бри с тобой, пусть даже в виде воображаемой подруги. Элинон так и унесла свои секреты с собой в могилу. Но я помню те поиски так хорошо, будто это происходило вчера. Твоя мать тогда подняла на ноги всю округу... – Мисс Кэвендиш наморщила лоб. – Я не могу припомнить, кого из вас мы искали тогда... Бри и Монти, это точно, и, кажется, еще кого-то из девочек.

Пожав плечами, она продолжила:

– На поиски тогда вышла вся деревня и искала всю ночь. И в Лоунхау, и на берегах Эстуэйт, до самого леса Грайздэйл. Мы даже попытались провести поиски в той старой психиатрической лечебнице в лесу, но ее начальство не пустило нас в нее – в то время они держались особняком и ни с кем не хотели иметь дела. Мне кажется, я вообще никогда не видела ее пациентов, не говоря уже о врачах или медсестрах... Но все это время Монти и Бри находились в колодце, где они утонули. Их нашли на следующее утро. Я участвовала в поисках в Грайздэйле и услышала крики. Когда я оказалась возле дома, Бри и Монти уже лежали возле колодца. А Джордж... – Она неодобрительно сжала губы. – Твой отец уже сбежал, прихватив с собой твоих младших сестер. Скатертью, как говорится, дорога. Нет, я не о девочках, но этот Джордж Туэйт был настоящий мерзавец и к тому же лодырь.

– Как вы думаете, что тогда случилось?

– Не знаю, дорогая. Эта история попала в центральные газеты, но во всех них писали одно и то же – что дети утонули. Было проведено расследование, и коронер объявил, что это несчастный случай. Ужасный несчастный случай, но не более того... Правда, ходили слухи. Некоторые считали, что к утоплению Бри и Монти приложил руку Джордж.

– Но сами вы так не думали, да? – спросила Фрэнсин, ухватившись за нерешительность, прозвучавшую в словах старой дамы.

Мисс Кэвендиш нахмурилась, затем покачала головой.

– Джордж никогда не причинил бы вреда Монти, ведь он просто боготворил этого малыша. Послушать его, так можно было подумать, что в Туэйт-мэнор родился новый мессия. – Ее лицо сердито сморщилось. – Этот ваш папаша, Джордж, он плевать хотел на вас, дочерей. Он был жесток и прямо лопался от злости, особенно от злости на нашу Элино́р. Но не сумел сломить ее, хотя Бог свидетель, он пытался. Она была сильной женщиной.

– Если он был таким чудовищем, то почему же она не бросила его?

Мисс Кэвендиш удивленно вскинула свои редкие брови.

– Зачем ей было это делать? Ведь дом принадлежал ей, тем более после смерти Монти, как бы печально это ни звучало. – Она пристально посмотрела на Фрэнсин, затем покачала головой. – Господи, выходит, ты ничего не знаешь... Неужели твоя мать никогда не рассказывала тебе о той сделке, которую с Джорджем заключил твой дед?

– Мой дед? Он умер, когда я была младенцем. Я его даже не знала.

Мисс Кэвендиш долго молчала, затем заговорила опять:

– Это ни для кого не было секретом. Старый Туэйт был тот еще фрукт, особенно после того, как умерла твоя бабушка. Элино́р тогда было лет двенадцать или около того. У него были старомодные взгляды, и он был помешан на вашей усадьбе, как и все Туэйты. Ему непременно хотелось, чтобы она осталась собственностью вашей семьи, чтобы ваш род не угас. А это было проблематично, ведь из наследников у него имелась только одна-единственная дочь. И ему пришлось в голову выдать Элино́р замуж за одного из тех Туэйтов, которые жили на берегах озера Алсуотер, из его дальней родни.

– За моего отца? – уточнила Фрэнсин, пытаясь уследить за этим рассказом об истории ее семьи, которой она никогда не знала.

Мисс Кэвендиш кивнула.

– У Джорджа была та же фамилия, и он приходился старику какой-то водой на киселе. Кто бы мог вообразить, что какая-то там фамилия может быть такой ценной... Но для старика Туэйта она была всем. И Джордж сразу же ухватился за такую возможность, ведь ему было уже за тридцать, а он так ничего и не добился, – и тут появляется старик Туэйт и предлагает этому дармоеду жениться и занять большой помещичий дом. Но хрыч был ушлым и, думаю, понимал, что из себя представляет Джордж. Он заключил с ним договор, по которому Джордж мог получить усадьбу только при том условии, если у него и Элино́р родится наследник мужского пола, но и даже тогда усадьба должна была достаться Джорджу только после того, как этому наследнику исполнится пять лет.

– Но почему же мама не сказала «нет»? – в ужасе воскликнула Фрэнсин.

Старая дама пожала плечами.

– Джорджу очень хотелось получить все, и он умел быть на редкость обаятельным, когда ему того хотелось. Они поженились, когда Элино́р было всего семнадцать лет. И Джордж определенно делал все, чтобы произвести на свет наследника, – Элино́р все время ходила беременная. Но у них рождались только девочки, и постепенно Джордж стал относиться к жене враждебно. Он винил ее в том, что она рождает только дочерей, но, пока старик Туэйт был жив, не решался поднять на нее руку.

Она замолчала и, скривившись, сглотнула, как будто эта история несла в себе яд.

Фрэнсин была охвачена ужасом – неужели она так мало знала о матери? Неужели отец и дед вступили в такой ужасный сговор только ради того, чтобы Туэйт-мэнор остался во владении тех, кто носит фамилию Туэйт, а мать с этим согласилась, что и сделало ее несчастной?

Мисс Кэвендиш откашлялась и улыбнулась Фрэнсин.

– Разумеется, после рождения Монти дело пошло немного лучше, но теперь Элино и Джордж уже так ненавидели друг друга, что обратной дороги не было. – Она вздохнула. – А когда Монти погиб, все планы Джорджа вообще пошли прахом. Думаю, он намеревался продать усадьбу, как только Монти исполнилось бы пять лет.

– Расскажите мне о Бри, – прошептала Фрэнсин, чувствуя, как у нее срывается голос. – Какой она была?

Мисс Кэвендиш улыбнулась все такой же искренней улыбкой.

– Она была еще той штучкой. У нее были длинные волосы, рыжие, как огонь, и такой же огненный темперамент. Но она многое унаследовала от твоего отца – и это очень тревожило твою мать, потому что Бри отвлекала его внимание от младших девочек... Ты очень тесно общалась с Бри, вы с ней были не разлей вода. Агнес так ревновала из-за того, что Бри предпочитала тебя. Она называла тебя не Фрэнсин, а как-то иначе, потому что не могла произнести твое имя. Как-то странно называла...

– Инжирка. – Имя пришло к Фрэнсин сразу, словно миновав ее сознание, что удивило и мисс Кэвендиш, и ее саму.

– Да, именно так странно.

– А какими были остальные? Розина, Агнес и Виола?

Мисс Кэвендиш снова улыбнулась.

– Они были красотками с рыжими волосами. Туэйтов всегда можно было признать по цвету волос. У меня всегда была слабость к Розе – она была такой милой; я уверена, что она появилась на свет, смеясь. Агнес была настоящей командиршей, не то что Виола, которая всегда была мягким ребенком. Все вы были так непохожи друг на друга... – Она улыбнулась Фрэнсин. – А ты всегда была серьезной. И чересчур умной. Ты и теперь слишком уж серьезна.

Чувствуя, что ее переполняют эмоции, которым она не может дать волю, поскольку иначе ее просто разорвет, Фрэнсин открыла было рот, но обнаружила, что ее горло сжимает ужас. Наконец у нее вырвалось:

– Но почему я ничего не помню, мисс Си? Из моей жизни был вырван огромный кусок. Настоящая трагедия, – добавила она, потому что не могла говорить об этой жестокой истории иначе, – которая должна была бы неизгладимо отпечататься в моей памяти, однако у меня не осталось никаких воспоминаний. Почему же моя мать лгала мне? Я так верила ей... – Ее голос сорвался, лицо исказилось. – Вы были самой близкой ее подругой. Стало быть, вы...

– Прости, дорогая, но нет. Я пыталась поговорить с Элино после того, как это произошло, пыталась заставить ее открыться, но она не хотела. Она так ничего и не сказала ни о твоих сестрах, ни о малыше Монти. А если я заговаривала о вашем отце, она просто уходила. Из всех чувств, которые она питала к этому мужчине, в ней осталась только лютая ненависть.

Мисс Кэвендиш покачала головой и сжала зубы, как будто тоже ненавидела его.

– И на этом дело не закончилось – она избавилась от всех его фотографий, от всей его одежды. Избавилась от всего, что напоминало ей о детях и муже, как будто это было ей невыносимо. – Мисс Кэвендиш подалась вперед и положила ладонь на предплечье Фрэнсин. – В ту ночь часть души твоей матери умерла, Фрэн. Потом она так и не стала прежней – и разве можно ее винить? Потерять пятерых детей за одну ночь – этого не выдержала бы ни одна женщина. Но она была хорошей матерью для тебя и Мэдди. Она жила ради вас. Пусть это утешит тебя.

– А она пыталась отыскать Агнес, Розину и Виолу?

– Она не переставала теребить полицию, чтобы они нашли Джорджа. Она очень хотела найти его, чтобы вернуть своих девочек. Но мало что могла предпринять сверх того, что могла сделать полиция. А полиция старалась, я это знаю... Мисс Кэвендиш запнулась и нахмурилась.

– Что? – спросила Фрэнсин. – Вы что-то вспомнили?

– Нет, не вспомнила; скорее, речь может идти о впечатлении, которое создалось у меня тогда. – Мисс Кэвендиш сделала паузу, затем заговорила вновь. – Думаю, через какое-то время Элинора поняла, что больше никогда не увидит дочерей. В первые недели она все еще надеялась, что Джорджа и девочек найдут, но время шло, и в конце концов она потеряла эту надежду. Само собой, все мы гадали, что же с ними произошло. На этот счет ходило много слухов, рассказывали всякие нелепые истории. Будто бы кто-то их видел... Но, по-моему, все это был вздор. Джордж увез их далеко, но кто может сказать, куда? – Мисс Кэвендиш похлопала Фрэнсин по предплечью. – Остается только надеяться, что Джордж умер и больше никому не может причинить зла. Сейчас ему могло бы быть за девяносто, ведь он был намного старше нашей Элиноры. Но девочки, должно быть, живы и здоровы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.